

Берегиня Форест

Байона

18+

Берегиня Форест

Байона

«Автор»

2014

Форест Б.

Байона / Б. Форест — «Автор», 2014

ISBN 978-5-532-99178-1

Кто-то умеет любить, но не хочет. Кто-то – не умеет, но пытается. Кто-то боится смотреть жизни в лицо. Но все мы в плену собственных страхов и очень редко решаемся переступить круг привычной обыденности. А что там, вне зоны нашего призрачного комфорта? Перед Вами трогательная история любви. Робкие попытки стать счастливой. Водоворот событий. Чужие страсти. Свои чувства. Ранимость и беззащитность перед обстоятельствами...Продолжением истории главной героини являются книги "ЧЕЛОВЕК ЗАКАТА" и "Я НЕ ТАК ДАЛЕКО"

ISBN 978-5-532-99178-1

© Форест Б., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава 1. Где-то в России	5
Глава 2. Корпорация чужих проблем	10
Глава 3. Выжженный рай	15
Глава 4. На рельсах иронии	19
Глава 5. Адъёс!	23
Глава 6. Другая жизнь	26
Глава 7. Половинка апельсина	31
Глава 8. Приключения будущей рыбной лазаньи	38
Глава 9. Об особенностях одиноких прогулок	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Берегиня Форест Байона

Глава 1. Где-то в России

– Привет! – Влад чмокнул меня в губы дежурным поцелуем, взял чемодан и развернулся спиной. Он опять побрился налысо.

Я села в машину и зябко поежилась, несмотря на жару.

– Цветов и подарков не ждать? – не удержалась я.

– У нас не такие отношения, – напомнил он равнодушным тоном. Заметив, что я не положила ему руку на колено, как обычно делала, он пожал мне пальцы и почти сразу отпустил, переключая скорость. – И потом, я тебе сразу сказал, цветы дарить не буду.

Мы помолчали.

Где-то далеко под прохладным небом столицы остались мои долгие и бессмысленные размышления о наших отношениях. А здесь бахромой маленьких соцветий отцветали кусты сирени, дрожала под ветром молодая листва каштанов и лип, на улицах подсыхал вчерашний дождь, мимо пробок проносились красно-желтые трамваи, по тротуарам неспешно гуляли студенты, таксисты курили в тени. Целуясь, через дорогу перебежала молодая пара. Лица хранили влюбленные улыбки.

– Ну как? – буднично спросил Влад, останавливая взгляд на мелкой трещинке, извилистой змейкой пересекающей лобовое стекло.

Я подавила вздох, слегка скосив взгляд на того, с кем жила.

– Хорошо, – собственный голос показался мне чужим и сухим.

– Зачем тебе роскошные волосы, если все равно прячешь их в уродливую гульку? – спросил он, бегло окинув взглядом.

– Не нравится?

– Да все равно.

Мне стало еще больше неуютно. Разговаривать не хотелось.

Влад спокойно вел машину, отстраненно смотря на дорогу. Машина юркнула под железобетонный мост, по которому время от времени пролетали поезда, перестукивая сцепками вагонов. В тоннеле под мостом на обветшалых, обшарпанных, серых с многочисленными потеками стенах пестрела свеженькая аэрография желтого коловрата с лучами, загнутыми «посолонь». Чуть подальше кто-то заботливо расклеил сразу три подряд одинаковых афиши о выступлении рок-группы «Ария».

Душа рвалась и плакала. Мы долго не виделись. У людей, кажется, принято выражать если не бурную радость, то хотя бы любопытство или, на крайний случай, элементарную вежливость. Влад был равнодушен. Лучше бы он злился. Хоть какие-то эмоции... Я отвернулась, желая скрыть разочарование. Минут двадцать казалось, мы совсем не знакомы и говорить в принципе не о чем.

Пробка перед кольцом Ставропольской и Старокубанской улиц у неработающего светофора растянулась на сотню метров. Пока стояли, несколько раз сменилась реклама на больших рекламных щитах. Восьмой, четвертый и пятый номера трамваев свободно убежали к району «Гидростроя». Я провожала каждый, пока могла видеть. Я любила трамваи. По рельсам можно домчаться в любую нужную точку города без остановок на пробки.

Раньше, еще до знакомства с Владом, постоянно каталась на них на работу и с работы, стараясь сесть непременно в конец вагона, протиснуться между задней стенкой и спинкой последнего кресла, а потом около часа ехать и слушать музыку, смотря в окно и гадая, через

сколько остановок до меня доберется кондуктор, требуя свои двенадцать рублей за проезд. И так два раза в день, шесть раз в неделю, из года в год.

Случалось кататься бесплатно, если нужно было проехать две-три остановки. Однажды зимой два раза так и не спросили оплату. Холода стояли лютые. Люди отогревались в плотно набитых вагонах, наблюдая белый пейзаж через подернутые ледяным узором окна, и нехотя выходили на остановках. Кондуктора, устав пробираться среди шуб, пуховиков и дубленок, предпочитали сидеть на своем служебном кресле, поглядывая лениво с возвышения.

Потом появился Влад. Машина сменила трамваи, комфортный кожаный салон – романтику больших окон и обшарпанных поручней, его постоянный монолог – скрежет и свист колес по рельсам, освежитель воздуха – букет разных городских запахов.

Из воспоминаний вырвал визгливый вой сирены. На первом съезде с кольца возникли сотрудники ДПС, они принялись регулировать движение, свистя и размахивая жезлами, указывая водителям приоритет проезда. Проводив глазами старенький красный трамвай с голубой вывеской, я огляделась по сторонам, отмечая небольшие изменения привычного пейзажа.

Влад бегло посмотрел на меня и отвернулся.

«Знаю. Знаю, чего он ждет, – тоскливо думала я. – Моих ласк, выражения любви и преданности. Вот сейчас я скажу, что очень скучала. А он удовлетворенно кивнет, затаит во взгляде мысли и скупно бросит: «Знаю. И это хорошо!», а потом дома сразу начнет наглеть».

В Москве, на расстоянии казалось, что легко что-либо изменить. По вечерам, свободная от дневных дел, там я довольно долго гуляла по улицам, рассматривая витрины с красивыми последними коллекциями одежды, обуви и аксессуаров, грелась большими порциями кофе с корицей и сливками, с некоторым удовольствием вливалась в очередную бегущую толпу, состоящую из множества незнакомых людей, безостановочно шагающих вдоль домов через переходы. И все думала, решала, готовилась к переменам...

Там ситуация понималась легче. Здесь знакомая до заученности атмосфера жизненного уклада тихо нашептывала о привычке. Я снова растерялась. Мир сжался. Громко щелкнули оковы обыденности. Сердце кольнуло.

– Купил электрическую зубочистку последней модели, – бодро произнес Влад. – Вода под давлением чистит пространство между зубами, десны массирует и укрепляет. Полезная вещь. – Он выехал на нашу улицу и включил радио.

Заиграл «зоновский» блатной шансон. Я поморщилась и поспешила выключить звук. Он взглянул и оставил как есть.

– Матери такую же на день рождения подарил.

– Понравилось ей?

– Она не оценила. Старые люди трудно воспринимают новшества, а между прочим, совершенно напрасно. Гм! У нее трудно с техникой дружить получается. Прямо как у тебя, – тут он насмешливо взглянул на мое отстраненное лицо. – Пароварка так и стоит с прошлого года нераспакованная. Жалко, хорошая вещь пропадет. Утешает, что купил на распродаже с большой скидкой.

Я молчала.

– Брательник на сыроедение перешел. Полностью, – усмехнулся Влад, не обращая внимания на мой отсутствующий блуждающий взгляд. – Ну, я могу понять, увлекся новым – действуй постепенно, изучи предмет, все плюсы и минусы, возможные негативные последствия для организма и уже тогда начинай. А он познакомился с каким-то отшельником, и слушать не хочет умных советов. Отшельник под Горячим Ключом в лесу живет. Так Серега каждые выходные к нему мотается. Пшеницу проращивать стал на подоконнике. В холодильнике одни корнеплоды и капуста. Кстати, тебе не помешало бы поинтересоваться у него на счет пользы сыроедения и поучиться отдельным тонкостям.

– Зачем? – отозвалась я, чувствуя себя ежиком в тумане из известного мультфильма.

– Хочу питаться правильно, – заявил Влад. – Не одними овощами и фруктами, разумеется, но больше сбалансированным рационом. И лучше, если на пару готовить и запекать, а не жарить на сковороде. И соки. Обязательно соки! Не забудь, неделю я хочу пить капустный сок. Он содержит много витамина С, пятьдесят процентов от дневной нормы. И витамин К для нормальной свертываемости крови и формирования костной ткани. Шестидесят три процента. Чего надулась? Гм! Малышок не любит трудиться на кухне? Ему бы все отдыхать и развлекаться.

Я не ответила. Влад иронично улыбался.

– Завтра развлечешься. Новые ответчики появились. Проект по Китаю требует твоего участия. Ты не забыла про совет директоров? Впрочем, я смотрю, ты ни о чем не думаешь, кроме развлечений.

– Международный юридический конгресс не то место, где принято развлекаться, – эхом откликнулась я.

– Гм! – усмехнулся он. – Только не говори, что ты там пахала сутками.

Мы вышли из машины, вошли в подъезд и молча смотрели мимо друг друга, пока лифт послушно отсчитывал этажи.

В пустой квартире громко тикали настенные часы. Всюду царил бардак. Кухня встретила извилистыми накренными горками немытой посуды, незакрытыми дверцами шкафчиков, невынесенным мусором, разбросанными где попало пакетами и надорванными упаковками от полуфабрикатов. Я шагнула в ванную, заброшенную грязными вещами. Похоже, со дня моего отъезда он ни разу не стирал.

В самом паршивом расположении духа опустила я на краешек кресла, отодвинув разбросанные газеты и бланки коммерческих предложений, скрученных трубочками факсимильной бумаги.

Влад прошел мимо, переступая через скомканные носки, и шумно опустился на диван. До меня он жил один. Вспомнилось, порадовалась тогда его редкой для холостяка особенности поддерживать идеальный порядок и минимализм в любом уголке жилья, в каждой мелочи, подобранной в соответствии с функциональностью, полностью отвечающей и характеру своего владельца, и дизайну квартиры в стиле «хай-тек».

– Жить в грязи тоже полезно? – поинтересовалась я, сдерживая раздражение.

– А что такое? – упрямые светло-карие глаза на мгновение оторвались от пульта.

Я красноречиво развела руками, отмечая, как неприятно блестит бритая кожа головы.

– Уберись. Ты у нас хозяйка, – спокойно ответил Влад и включил телевизор.

Стало противно. Обстановка удушала, к горлу подкатили слезы, тихая истерика разворачивалась внутри. Не зная куда себя деть, я вышла на лоджию, плотно прикрыла за собой дверь и посмотрела на серую застройку «спального» района. В промежутке между двумя новостройками мелькало русло Кубани.

Закрыв глаза, я оперлась о перила и вздохнула. Запах выхлопных газов с дороги резал обоняние. Шум, бесконечный шум машин и строительных работ вытеснял спокойствие, напоминая о суетной городской жизни.

– Ты не собираешься готовить ужин? – открыв дверь, поинтересовался Влад. – Сухомятки мне без тебя хватало.

– Чуть позже. Я устала.

– От чего? Сидеть в кресле самолета? – усмехнулся он. – Пора завести тебе помощницу! Помоложе, рыжую, со спортивным телом.

Влад постоял в дверях, наблюдая за отсутствием реакции с моей стороны и ушел. На кухне демонстративно загремела посуда, хлопнула дверца холодильника. Я не оборачиваясь смотрела на город. Посуда перестала греметь. Через щель в двери доносилось яростное шипение яичницы, разбрасывающей по плите капли горячего масла.

Пустота в душе росла и ширилась. Я принялась обзванивать родных и друзей, чтобы не думать о себе.

– Все хорошо. Да, приехала. Да, понравилось, – неизменно отвечала я им на расспросы, безразлично наблюдая за отсветами солнца в окнах двенадцатиэтажного монолитного дома с голубой вывеской строительной компании «Девелопмент Юг» на крыше.

Вечер медленно угасал, пестря неонами рекламы, фонарями, окнами домов и фарами машин. От реки потянуло холодной сыростью. Гудя пробками, кавказскими напевами и рэпом из бахающих автомобильных колонок, а также смехом прохожих, ночь не думала успокаиваться. Город засыпал часа в три.

Упрямо не желая возвращаться в квартиру, я озираясь и слушала окружающий мир. Отец и сын, оба алкоголика, курили и ругались на соседней лоджии. По бетонному полу шоркали их тапки, гремели случайно задетые пустые бутылки.

В другой стороне сморщенная возрастом и заботами баба Аня громко разговаривала со своей собакой – перекормленной до последней степени ожирения восьмилетней таксой Найдой. Сверху кто-то тряс плед. Шелуха от семечек, крошки и волосы летели мимо меня, осыпаясь на выстиранное постельное белье соседей снизу.

Нехотя вернулась в квартиру. Влад лежал перед телевизором, демонстративно положив ноги на ворох глянцевого издания.

– Иди сюда, – позвал он, не поворачивая головы.

Внутри поднялась безмолвная волна протеста, кроша нервы словно хрупкую ледяную корку замерзшей на асфальте лужи. Влад лежал неподвижно, ожидая моего приближения. Я притворилась, что не слышу, поспешила отвернуться и поискала взглядом, чем бы срочно заняться. Внимание привлек черный в серую полоску чемодан с биркой аэропорта Внуково на ручке. Я шагнула к нему в коридор, склонилась, открыла и, не решаясь разобрать вещи, пошла мыть посуду.

Позже, загружая стирку, увидела в запачканном пеной и зубной пастой зеркале свое отражение. Лицо ничего не выражало. В сухом остатке преобладали угрюмая лень, сонливость и легкое раздражение обстановкой. А когда-то каждый день приносил радость, во взгляде постоянно мерцал живой огонь чувства...

Спать ушла на диван. Влад удивился и промолчал. Он ворочался, скрипя кроватью в спальне. Звуки легко распространялись по квартире, смешиваясь с упрямым тиканьем часов. Гнетущая пространство недосказанность остановила воздух. Дышалось тяжело. Катастрофически не спалось.

Я поморщилась, встала и заходила по комнате, жалобно поглядывая на темные очертания мебели. Затем рванулась в коридор, сорвала часы со стены и, не жалея маникюра, нервно вытащила батарейку, убив злобное тиканье.

– Полегчало? – усмехнулся из спальни Влад.

– Ненавижу его, – тихо сказала я, стоя босиком посреди коридора, сжимая одной рукой пальчиковую батарейку, другой нерешительно помахивая часами.

– Кого? Время? – отозвался Влад. – Хм! Часы здесь не при чем.

– Ненавижу! – повторила я решительней.

– Оставь часы в покое, – зевнул он.

– Услышу еще раз – разобью, – неожиданно пообещала я, смотря в стенку.

Влад не ответил. Я сунула замерший механизм в шкаф и легла на диван. Закрыв глаза, попыталась успокоиться. Не помогло. Пришлось войти в спальню за книгой. Я стала рассеянно шуршать ящиками, где хранила вещи.

– Собралась уходить? – бросил Влад через плечо. Он лежал на животе, слегка повернув набок голову.

Я встрепенулась и замерла. Зло и слезы душили.

«Ночь – замечательное явление, в темноте не видно лиц...» – шепнул рассудок.

– А иди-то некуда, – спокойно сказал Влад.

Слова хлестнули как пощечина, полученная на светском приеме. Я вернулась на диван, подобрала ноги, уткнулась подбородком в колени и беззвучно заплакала.

Глава 2. Корпорация чужих проблем

– Привет офисному планктону! – бодро воскликнул Влад, входя в кабинет для совещаний.

Руководящий состав и специалисты обернулись, пропуская колкость мимо ушей, и рассеянно поздоровались. Каждый был озабочен своими вопросами. Мы заняли места за длинным столом в ожидании шефа.

Каждое утро начиналось с планерки. Александр Валерьевич – наш генеральный директор, человек американской системы управления и одновременно старой советской хватки, расслабляться никому не позволял. Стоило ему переступить порог кабинета, как все притихли и вытянулись, сверкая безупречным деловым имиджем а-ля «Forbes».

– Итак, продолжим! – неизменно говорил шеф каждое утро, включая ускорение своей империи, постоянно требуя готовых решений и быстрых результатов от каждого.

Волна информации сразу подхватила и понесла на просторы бизнеса, требуя немедленного участия. Крупная компания с иностранными инвестициями седьмой год держала меня в плотном рабочем графике.

Перед обедом я вспомнила про своих подружек и появилась в бухгалтерии.

– О, золотая антилопа вернулась!

– Выглядишь подавленной. Неужели не понравилось?

– Или шеф успел съесть твой мозг?

– Ом-ном-ном! – наперебой говорили девчонки.

Я слабо улыбнулась.

– Буду говорить только в присутствии моего зеленого чая! – заявила я, передавая папку бухгалтерских проводок и перечень необходимых мне документов.

Ольга поморщилась.

– Как срочно?

– Нужно сегодня, – попросила я.

– Сначала расскажи, какие мужчины околачиваются в юридических кулуарах? – Дашка, маленькая брюнетка с короткой стрижкой, сразу начала суетиться, гремя кружками.

– Долго тебя не было, – сказала Ольга, высокая статная барышня. – Удивляюсь, как тебя вообще отпустили?!

– Мы хотим знать все! – потребовала Дашка.

Позвонил телефон.

– Добрый день, Майк! – отозвалась я, переходя на английский.

Подруги многозначительно переглянулись.

– Да, доехала хорошо. Информацию еще не смотрела, отправлю Вам обещанное по электронной почте. В Вену? Нет, благодарю! Много работы. И Вам! Всего доброго!

Я отключилась, вздохнула и засмотрелась на небо.

– А-а-а! Майк?! – воскликнула Дашка, подскочив ко мне и заглядывая в глаза. – Это он? Все было, да? – Ее лицо выражало нетерпеливый сильнейший интерес.

Я загадочно улыбнулась и вздохнула, усмотрев на столе горячий напиток.

– Время зря не теряла! – рассмеялась Ольга.

– Юристы из Европы... сразу представляю себе несколько копий Колина Ферта, – мечтательно сказала Дашка.

– Он просто знакомый, – отмахнулась я, осторожно пробуя чай. – Ему за шестьдесят, доктор юридических наук, профессор, и общались мы исключительно на тему коллизий арбитражного законодательства.

У Дашки от разочарования вытянулось лицо.

– Угу! – губы Ольги сложились в недоверчивую улыбку.

– А какие они на вкус, эти иностранцы? – не унималась Дашка. – Колись! Наверно, горячие любовники, а? Торро! – смеялась она, жестикулируя, как ковбой из старых вестернов.

Я рассмеялась в кружку. Ольга мечтательно вздохнула.

– Завидую тебе! Постоянно в командировках. Самой, что ли, уехать куда-либо на выходные?

– Обязательно поезжай, Оленька! – от компьютера подняла голову Альбина Николаевна, самый тихий и незаметный человек в бухгалтерии, отличительной особенностью которой являлась удивительная поглощенность работой и скрупулезность ее выполнения. – Не заметишь, как жизнь промчится. Я отпуск трачу на ремонт и дачу. А недавно задумалась. Ведь нигде и не побывала за свои 56 лет... – вздохнула она.

Ольга критически покачала головой.

– Было бы с кем ездить. Моего от пива не оттащишь. Копаются по выходным в гараже и бухает с друзьями.

– Кости мужикам моеете? – заглянул в бухгалтерию Влад, поправляя галстук и приосаниваясь. Если бы пиджак позволил, он еще и мускулатурой поиграл бы. – Лучше делом займитесь!

– Мы работаем, – отозвалась Дашка, шумно прихлебывая чай.

Влад поморщился, с неприязнью порицая Дашкину манеру пить. Его бесило, когда кто-то чавкал или хлюпал.

– Ну да? А вот судя по чаю и конфетам – не уверен, – Влад покопался в вазочке и вытащил шоколадную. – И глаза блестят подозрительно! – усмехнулся он. – Очередные сплетни? Или бесконечные выдумки.

– Почему сразу выдумки? – огрызнулась Дашка.

Я вздохнула и отвела глаза. Сейчас начнется. С Владом нельзя было спорить ни по какому поводу.

– Скажете, нет? – Влад окинул нас холодным взглядом. – Ничто так не увлекает теток, как та фигня, которую они сами себе придумывают.

– Ну и манеры у Вас! – заметила Ольга.

– А что такое? Гм! Все вы тетки одинаковые, – парировал Влад.

– Женщины, – поправила я.

– Нет. Женщины – понятие отвлеченное. В реальной жизни правильной всего будет понятие «тетки». Не старые и не юные, опытные, все понимающие, вы просто обожаете делать вид наивных блондинок.

– Не порть нам настроение и не трогай нашу единственную радость! – сказала я, отбирая вазочку с конфетами.

Влад бросил бумажку на стол и ушел.

– Слушай, как ты его терпишь? – спросила Ольга.

Я подавила вздох и отвела взгляд, с отчужденным видом жуя чернослив в шоколаде.

– Извини, конечно, не мое дело... Пытаюсь сохранять нейтралитет, но его манера разговаривать – это нечто! – недовольно воскликнула Ольга. Достав косметичку и раскрыв пудру с зеркальцем, она принялась подводить губы карандашом густо-красного цвета. Дашка сделала «страшные глаза», но Ольга не заметила намека.

Я согласно кивнула и погрузилась.

– Вроде и ничего такого, а в итоге чувствуешь себя по крайней мере обплеванным! – надула губы Ольга. – Извини, умолкаю!

– Не извиняйся... – нехотя сказала я и не стала допивать чай.

Обед провела, не отрываясь от документов. Впрочем, как всегда.

За окнами офиса лил дождь. Теплый, мутными струями низвергался он с низкого неба. Свинцовые низкие тучи заглядывали в окна. Я не замечала.

Мелкие тексты договоров с энергоснабжающими компаниями, изворотливо-замудренные фразы кредитных организаций, непривычно крупный шрифт судебных определений, щедро напечатанных на гербовой бумаге с внушительными полями, – все проносилось перед глазами, требуя вдумчивости и быстрых ответных действий.

Отвыкшие во время командировки глаза болели. Пухлые папки судебных и прочих дел громоздились двумя стопками по обе стороны от компьютера. Лихорадочно соображая, каким образом успеть за сегодня подтянуть наиболее важные проекты, я мысленно просчитывала сроки документооборота, сопоставляя их с требованиями шефа.

– Смотрела новые контракты? – позвонил мне Влад.

– Вот смотрю. Везде опять рассрочки платежей. А чем мы китайцам будем платить?

– Пусть тебя это не волнует. Из нас двоих пока я здесь директор по маркетингу. Давай округляйся с ними.

После обеда меня вызвали к директору. Влад вместе с главным бухгалтером Кириллом говорили о наших должниках.

– Как я утром докладывал, Панин перевел на наш счет сумму основного долга, – сказал Влад. – В обмен мы не станем взыскивать с него проценты и отзовем свой иск. Зато не надо ждать долгого взыскания. Панин уже прислал заявку на новый крупный заказ. Вот мировое соглашение, – протянул он шефу на подпись бумаги.

– Платежку со своей стороны Панин сбросил нам по факсу, – сказал Кирилл.

– Долго мы с ним возились, да? – произнес директор, взглянув на меня.

– Четыре месяца, – подтвердила я. – К тому же, пришел ответ на наш запрос по нему. Земля под комплексом не в собственности, в аренде. С постройками ситуация неясная.

– Ваше мнение? – спросил директор.

– Разрешите? – я взяла документ и просмотрела условия. – Если мы подпишем мировое соглашение раньше, чем убедимся в его оплате, судебное разбирательство отложится. Панин выиграет время и будет вне досягаемости до окончания срока исполнения обязательств, то есть еще месяц. За это время можно переоформить право на имущество.

– Ценное замечание! – сказал директор, вопросительно смотря на Влада, и вновь обратился ко мне. – Я попрошу Вас лично проследить за исполнением договоренности.

– Хорошо, – сказала я и вышла.

Через некоторое время Влад с недовольным видом появился в моем кабинете.

– Подпиши, – протянул он мировое соглашение с Паниным.

– Платеж прошел?

– Да.

– А выписка из банка есть?

– Пока нет.

– Ждем.

– Не глупи! Подписывай! – настаивал он.

– Ты не хуже меня знаешь порядок визирования, – возразила я, устало вздыхая. Еще куча контрактов дожидалась проработки. – Я несу за это ответственность и не хочу давать повод сомневаться в своей компетентности.

– Что? Я пообещал сегодня отправить им сканированные копии с подписями и печатями. У них проверка сидит.

По выражению глаз поняла – он начал злиться.

– Тем более! – непреклонно ответила я.

– У тебя портится характер, – заметил Влад с недовольным видом. – Долгое отсутствие секса делает из тебя стерву.

Я проигнорировала его замечание, прекрасно понимая намек, и сняла трубку.

– Мне нужна машина. Через полчаса, пожалуйста, – попросила я и пошла в бухгалтерию.

Домой мы вернулись поздно. Подготовка к совету директоров удвоила объем работы. По дороге молчали. Я закрыла глаза, попыталась расслабиться. Голова была до отказа забита первостепенными вопросами, которые предстояло решать с утра.

С облегчением сняв обувь, я присела на пуфик в прихожей. Через полчаса-час напряжение отпустит. А сейчас нужно готовить ужин.

Влад пошел в душ.

«Хорошо, у нас нет домашних животных и цветов, – невзначай подумала я. – Долго бы эти бедолаги не продержались. Мы постоянно на работе».

– Эй! Ты не на конгрессе. Хватит сидеть с отрешенным видом. Очнись! – заметил Влад, оставляя мокрый след на ламинате.

Есть люди, в обществе которых ты раскрываешься, светишься и благоухаешь, как сказочный цветок папоротника. Хочется танцевать в лучах счастливого безмятежного полета, понимая свою уникальность, индивидуальность и совершенную гармонию.

Есть иные люди...

– Не старайся умничать, – сказал Влад за ужином. – Ты никогда не будешь умнее меня. С кем-то, где-то – пожалуйста. Но не на работе, да еще в моем проекте.

– Шеф просил, я сделала то, что должна была, – ответила я.

– Ну да! – взглянул на меня Влад и потянулся за хлебом. – Стоило получить комплимент за хорошую работу, и зазналась? Почему все женщины претендуют на признание в них ума, красоты, таланта и еще бог знает чего одновременно? А на самом деле знаешь, как это выглядит? Хочется заткнуть их говорилку одним местом, чтобы успокоились, наконец.

– Не хаами! – я перестала жевать и нахмурилась.

– Гм! Что значит «не хаами»? Все зависит от того, как ты воспринимаешь мои слова. Я же не уточнил, каким именно местом заткнуть. А ты себе уже сама накрутила остальное.

Он иронично посмотрел на меня.

– Хамство, оно очень субъективное по восприятию. Из вечной диалектики добра и зла, – рассуждал Влад увлеченным тоном наставника. Вилка методично скребла по тарелке, передвигая гарнир. – Для кого-то это будет хорошо, а для кого-то нет. Если ты относишься к моему высказыванию как к хамству, а не к замечанию, то это, прежде всего, проблемы твоего личного восприятия.

Я почувствовала себя ничтожеством.

– Тебе до недавнего времени нравилось мое «хамство»! И грубость... – сально пошутил Влад, вставая и пытаясь обнять меня. Я отстранилась.

– Слушай, почему у нас до сих пор нет овощных соков? – продолжал он монолог, разглядывая содержимое холодильника.

Он говорил, говорил, долго и нудно рассуждая о восприятии тех, кто видит оскорбление там, где его нет. Об их комплексах, выражающихся в уверенности враждебного отношения к ним окружающего мира.

Я включила плеер, надела наушники и исчезла.

«Я меняю обиды на сдержанность,

Продаю улыбки поштучно.

За пятак антикварная нежность,

Не берут! Говорят – не нужно...» – пел Лёва, солист «Би-2».

Вместо сна я заварила себе кофе, устраиваясь на широком кухонном подоконнике.

В старом добром «Вконтакте» привычно смеялись над политиками и главными героями популярных фильмов, прикалывались друг над другом, хвастались крутыми аватарками и всем тем, что скрашивало обыденное течение жизни россиян, упорядоченной социальными рамками повседневности. Здесь народ с легкостью умничал, восхваляя и осуждая все подряд. Здесь, и теперь только здесь, я могла от души посмеяться сама.

Прилипнув к экрану ноутбука, я листала ленту новостей и переписывалась с «друзьями», большинство которых никогда не видела и не увижу. Одиночество «в сети» лучше одиночества в реальной жизни.

Щурясь от света, Влад показался на кухне, помахал руками, привлекая внимание. Я подняла голову от экрана. Он показал пальцем на запястье руки, где обычно носил часы, а потом постучал себе по виску.

Я опустила взгляд и вернулась к переписке. 2:20 ночи.

Утром все начнется снова, продолжится и повторится. Имущественные сделки, отстаивания выгодных условий контрактов, угрозы должникам, судебные тяжбы, выбивание нужных документов под бизнес-проекты, подмазывание чиновников, очковтирательство потребителям, лавирование между проверками разных государственных и муниципальных инстанций, прессинг совещаний, бесконечный контроль над ситуацией ради гонки за деньгами и местом на рынке товаров и услуг. Корпорация чужих проблем питалась нашими жизнями.

Глава 3. Выжженный рай

Прошла неделя напряжения и суматохи. Наступили выходные. У меня не было идей, как их провести, я работала в офисе, до онемевшей спины и красных глаз.

День клонился к исходу. Отрываясь от кипы бумаг, я устало потянулась, безразлично взглянула на часы и подошла к окну. Краски и запахи скорого лета, радость мелочей и беспечность вечеров – все проносилось куда-то мимо, одаривая других.

Собаки, велосипеды, прогулки по берегу реки, пикники на природе, веселые сборища друзей – все это не про меня. Переговоры, приемы, корпоративы, технично-бесстрастные баталии за права и возможности и короткий перерыв на сон – вот это как раз в точку. Далекая радость приобщения к деловому миру уверенных умных людей теперь вызывала грустную улыбку.

Я прижалась лбом к стеклу, разглядывая поток машин и людей с высоты десятого этажа. Костюм из добротной английской ткани серого графитового цвета и белая шелковая блузка, застегнутая под горло, сжимали меня в тисках показного благополучия. Шеф задавал высокий уровень дресс-кода. Имидж стоил дорого.

– Поехали, – отвлек меня Влад, заглядывая в кабинет. – Мне сегодня в качалку.

– Продукты заканчиваются. Заедем?

Влад недовольно посмотрел на меня. Выключив компьютер, я закрыла кабинет и спустилась. Его кожаный портфель опять лежал на моем месте. Я перекинула его назад, села и не рассчитала силу, хлопнув дверцей.

– Аккуратней с машиной! – раздраженно бросил он.

– Извини, – отозвалась я.

Алые отблески заката отразились в окнах верхних этажей жилого дома и ударили по глазам. Я почему-то подумала о том, что давно не видела в этом городе линию горизонта. Вокруг чихали выхлопными газами авто. Над стриженными газонами включили фонари.

Лавируя рядами, объезжая пробки по ухабистым улочкам и проездным дворам, мы ехали на стоянку к гипермаркету «Ашан».

– Я оставлю тебя, – сказал Влад, тормозя на светофоре и смотря в зеркало заднего вида. – Приедешь на такси. Сколько тебе нужно?

Я пожала плечами. Он вынул бумажник, отсчитал и протянул деньги.

– А кто мне поможет пакеты наверх поднять? – спросила я, прикидывая вес закупки на целую неделю.

– Лифт, – без какой-либо интонации ответил Влад, скребя лысину с характерным звуком. Он обернулся ко мне и похлопал по коленке слишком сильно, чтобы это можно было счесть за ласку. – Ты совсем обленилась! Давай, потренируйся! Рекомендую сходить и посмотреть на фитнес, что тетки со своими телами делают. Пресс, рельеф, подтянутые попки! Ух!

Я смолчала, отстраняя его руку.

– Больно, – сказала я, сводя брови.

– Раньше ты не такой была! – заметил Влад. Загорелся зеленый свет, мы опять поехали. С насмешливым упреком он заглядывал мне в лицо: – Куда делся дерзкий импульсивный малыш? Где заводная уверенная в себе девушка, которая постоянно спорила и смеялась?

Я отвернулась с пасмурным видом. Я бы тоже хотела знать – где?

– Гм! Ну, пока! – он развернулся и уехал, высадив меня.

Смотря себе под ноги, я завернула за угол и вошла внутрь гипермаркета.

Белок, клетчатка, витамины. Никакого хлеба, картошки, сладостей. Влад был придиричив к еде. Толкая перед собой тележку и объезжая ряды, я встретила Ольгу из бухгалтерии.

Ей повезло больше. Выходные она проводила с семьей. Вместе с двумя детьми, Ольга тоже закупалась перед началом новой рабочей недели. Двое мальчишек лет по двенадцать постоянно проказничали, спорили и отвлекали ее.

– О, ты опять отдыхаешь на работе? – воскликнула Ольга по поводу моего офисного вида. Я кивнула.

– Совет директоров близко... – краешком губ улыбнулась я, эпически понизив голос.

– Смотри, какую блузку я вчера купила! – Ольга довольно погладила себя по фиолетовой клетчатой рубашке, которая очень хорошо сочеталась с оранжевым ремнем, чернильными джинсами и ее богатой каштановой шевелюрой с рыжеватым подпалом.

– Стильно! – оценила я.

Ольга мило улыбнулась, кокетливо поднимая брови.

– А где Влад? – поинтересовалась она.

– На тренировку поехал.

– Илья, положи на место! – строгим тоном сказала она, обращаясь к сыну.

– Ма, ну пожалуйста!

– Нет, я сказала!

У нее было двое прекрасных ребятишек, кареглазых, веселых и беспокойных. Они катали тележку с продуктами, пугая других покупателей возможным столкновением и ухитряясь в последний момент остановиться. Ольга грозила им и призывала к порядку, прерывая наш разговор. Довольные своими проделками, они стихали на время, а потом все повторялось.

Остановившись в овощных рядах, она рассуждала о ценах и продуктах. Я невпопад отвечала ей, стараясь вспомнить, что планировала купить.

– У тебя все в порядке? – спросила Ольга, наблюдая за мной.

– Наверно, депресняк, – отозвалась я.

– Поссорилась со своим?

– Нет.

– Тогда что?

– Буквально? Ничего! Пустота, обыденность, отсутствие желаний. День сурка...

– А что ты хочешь? Так живут все, – пожала плечами Ольга. – Мне б твои проблемы! – усмехнулась она. – Твой хотя бы не пьет.

– Ты счастлива? – неожиданно спросила я.

Ольга недоуменно уставилась на меня. Потом рассмеялась.

– Вон видишь оболтусов? Если я не на кухне, то убираю бардак и ору, когда они врубают адскую музыку и разносят свою комнату вхлам. А муж приходит поздно, ест и храпит всю ночь.

– Он у тебя в строительной компании, кажется?

– Ну да. Прораб на стройке. А твой, вон, в костюмах с золотыми запонками щеголяет. Весь такой гладко выбритый и надушенный.

– Дьявол носит «Prada», – грустно пошутила я.

– О, такой порочный? – сладострастным голосом спросила Ольга, выпятив грудь и потрянув кудрями.

– Такой «Prada».

Ольгу мой ответ разочаровал. Она взяла две банки зеленого горошка разных фирм, повертела в руках и обе положила в корзину и бодро усмехнулась.

– Не грусти, все – фигня! Только ты и я. Да и ты – фигня. Только я! – шутила она в своем грубоватом стиле.

Мы усмехнулись. Ее мальчишки толкали друг друга, стараясь наступить на ногу. Я засмотрелась на них. Заметив мое внимание, они начали беситься еще больше.

Ольга сыпала замечаниями. Я поощрительно улыбалась.

– Пошли туда, – потянула я в соседний ряд. Шоколад!.. Издали я присматривалась к большой длинной плитке шоколада с целыми вишнями.

– Похоже, жизнь налаживается! – улыбнулась я, возводя глаза к небу, с довольным видом прижимая к себе сразу две.

Ольга рассмеялась, сверкая карими, четко очерченными глазами. На бледных щеках показались две ямочки.

– С такой фигурой можно все! – завистливо осмотрела она мои ноги, утянутые в узкую юбку.

– Правда? Тогда «го» в тортики! – предложила я. – Завтра на работе съедим. Пока никто не видит.

– Го? – переспросила Ольга.

– Го! – уверенно повторила я.

– Мааам, так сейчас говорят, – заметил Илья, меряя пол вокруг нас широкими шагами.

– Здравствуйте, я Джонни Кетсвилл, и сегодня мы попытаемся вынести гипер! – подмигнула я мальчишкам с видом матерого завсегдадая «Вконтакте», намекая на прикольные похождения рыжего кота Джонни.

– И хапнем «валерыча»! – подхватил задорно Илья.

– И сожрем весь новогодний дождик! – воскликнул Женька, размахивая кулаком. – И не дадим Барлогу пройти! – он схватил брата в охапку. Тот вырвался.

– А сейчас мы перейдем на Темную сторону! – беря с прилавка печенье, рассмеялся Илья, поглядывая, как я смеюсь.

– И узнаем, кто здесь лох! – пихая его на выставленные в проходе упаковки минеральной воды, крикнул Женька.

– Ну-ка, быстро успокоились, паразиты! – прикрикнула на них Ольга.

Илья с Женькой ненадолго угомонились. По пути мы втроем принялись увлеченно остричь дальше. Ольга неодобрительно качала головой, смотря на меня.

– Клиника! – подытожила она светским благовоспитанным тоном.

– Повзрослел – умер! – вырвалось у меня. Глубоко вздохнув, я спрятала улыбку.

Домой меня подвезла Ольга, а ее ребята мигом дотащили пакеты. Я приготовила ужин и забила на подоконник с ноутбуком в надежде ничего не решать еще какое-то время...

Перед сном Влад разбирал отчеты, аналитику и списки кредиторско-дебиторской задолженности, лежа перед телевизором. Беззвучно мелькали сцены американского боевика с погонями и драками.

– Шеф тебе передал. – Влад протянул мне листки, нетерпеливо помахивая ими. – У нас два процесса в Питере. Поедешь ты.

– Когда?

– В следующем месяце.

– Кассация, – поморщилась я. Всегда ненавидела кассационную инстанцию обжалования дел. Запущенная до агонии тяжба говорила прежде всего о неумело проведенных заседаниях первой и апелляционной стадии разрешения споров. Бегло изучая определения, я поняла, что командировка дней на семь. И обрадовалась – все ж подальше...

– Съешь лимон, – посоветовал Влад, наблюдая мою улыбку. – Кстати, там Финляндия недалеко, а времени у тебя между судами предостаточно. Смтайся в Хельсинки. За некоторые товары ты можешь потом получить 22 % возмещения подоходного налога. Практично и выгодно. И с российским качеством не сравнить.

– Денег лишних нет.

– Не расстраивайся. Гм! Ведь есть вещи, которые нельзя купить ни за какие деньги. – Влад посмотрел на меня выжидающе. – Например, динозавра.

Я отвернулась и ушла на кухню.

Три года назад я сильно любила этого человека, горела им, мечтала создать семью, жила им, поддерживала и разделяла его интересы.

– Ты что там себе надумала? – спросил тогда Влад. – Если бы я хотел жениться, неужели я бы этого не сделал давным-давно? Гм! И потом, у меня в какой-то мере уже есть семья: мать, брательник. Нам с тобой хорошо вдвоем. Этого достаточно.

Тогда я познала, что значит боль. Но не ушла. Оставалась верной своему чувству.

Влад пришел на кухню. Я вышла на балкон.

Депрессия напозала, замораживая страх уйти в никуда. Долго стояла, кусая обветренные губы. Внезапно посетило странное чувство. Я отчаянно цеплялась за то, что меня убивало.

Глава 4. На рельсах иронии

– Ты мог бы работать кассиром в Макдональдсе. Но нет, понесло же тебя в топ-менеджмент! – выговаривал Влад одному из своих подчиненных. Бедный парень стоял с обреченным видом и мял в руках пластиковый файл. Лоб покрылся потом, а щеки неестественной бледностью. Под глазами залегли синие круги.

Четверть миллиона евро ушла не на тот счет. Для фирмы ситуация поправимая, но крайне неприятная. Для обычного перепуганного работника – приглашение к самоубийству.

Рядом стоял главбух Кирилл. К шефу идти никто не решался.

– Что будем делать? – спросил Влад Кирилла.

– Заказывать вертолет и лететь в банк, – отозвался тот, напряженно играя скулами.

Я вообще не завидую главным бухгалтерам. Их жизнь – затяжной стресс бинарных молекул дебета-кредита, проводок и платежей под неспящим оком налоговой инспекции.

– Ты куда? – спросил Влад.

– Платежку переделывать. А как быть с подписью шефа на заявлении? – сказал Кирилл.

– Сначала поговори с банком, – посоветовал Влад. – К шефу пойдем втроем. – Он уничтожающе посмотрел на бедолагу, сел в кресло и стал вертеться на нем, покусывая ноготь.

Главный бухгалтер и нерадивый менеджер вышли.

– Теперь его уволят? – спросила я.

– Конечно, нет, – ответил Влад, щурясь и смотря мимо меня. – Я уговорю шефа оставить его. Он запомнит мое вмешательство, осознает, чем обязан, и я получу отлично управляемый механизм.

– Твои контракты, – протянула я бумаги.

– Оставь. Ну, что еще? – он холодно взглянул на меня.

– Ничего, – я встала и вышла.

Весь офис шептался, работники возбужденно расхаживали из кабинета в кабинет. Открыв дверь в бухгалтерию, я растерялась. Размазывая тушь по щекам, Дашка плакала навзрыд. Ольга стояла рядом, пытаюсь ее заставить выпить воды. Альбина Николаевна сокрушенно вздохнула и принялась разносить счета. Запах корвалола и валерьянки свидетельствовал о серьезности положения.

Я испуганно посмотрела на Ольгу и вопросительно кивнула. Она только закатила глаза и мимикой показала мне, мол, дела сердечные.

– Дашенька? – позвала я, подходя ближе и пытаюсь поймать отчаянный взгляд.

Она меня не слышала. Хрупкие плечи сотрясались. Дашка затыкала рот ладошкой, когда срывалась на нечто подобное вою.

Мы с Ольгой еле уговорили ее выпить лекарство и теперь пытались успокоить. Минут через десять наших стараний, а главным образом благодаря успокоительному, Дашка стала затихать.

– Он не вернется! – рыдала Дашка, поднимая к нам припухшее от слез лицо. – Он ушел к жене. Сказал, я была ошибкой! Сказал, что не любит!

– Зачем связывалась с женатым? – укоризненно произнесла Ольга. – Думала, ради тебя он бросит семью? Глупенькая!

– Я не думала, я просто любила его! – сквозь рыдания жалобно воскликнула Дашка.

– Ну что ты молчишь? Скажи ей! – Ольга вернулась на свое рабочее место и стала переключать счета-фактуры. – Уже не знаю, чем успокоить, – поглядела она на меня.

Я смотрела на Дашку глазами печального ангела, которому не дано вмешаться в дела человеческие. Наверное, у ангелов нет сердца, иначе как бы они смогли вынести отчаянье, страх и ненависть, ежесекундно охватывающие людей по всему миру?

– Эту боль нельзя успокоить. Нужно пережить ее, – откликнулась я, понимая, как сейчас невыносимо Дашке.

Мы обнялись. Она уткнулась мокрым лицом мне в бок и горше разревелась. Люди входили и выходили, посматривая кто удивленно, кто насмешливо. Задавали вопросы. Пожимали плечами. Я гладила Дашкины волосы и сама чуть не плакала.

«Разве словами поможешь?» – думала я. И вдруг неожиданно для себя присела перед ней, заглянула в несчастные голубые глаза, полные слез.

– Он освободил тебя, Дашка, понимаешь?! Ты должна благодарить его и вспоминать с теплотой. Он освободил тебя для нового счастья... Оно где-то рядом ходит. По улицам нашего города. Ест бутерброд. Пьет из алюминиевой банки «колу», глазает по сторонам и смотрит футбол в спортивном баре.

Дашка перестала плакать и недоверчиво взглянула на меня. Я утвердительно закивала в ответ. Сама была уверена в том, что говорила.

– Тсс! – предупредила я ее вопрос. – Еще рано. Слишком рано. Но теперь ты знаешь...

Сердце разрывалось, сопереживая, откликалось оно на застарелую боль. Дашка успокоилась, а я сильно разволновалась и поспешила уйти. А потом сама плакала в туалете.

Когда все тревожения улеглись в историю рабочего времени, все разъехались по домам. Я занялась уборкой квартиры. Давно замечала лечебный эффект от наведения порядка в помещении. Пока сосредоточенно моешь, чистишь и переставляешь, мысли сами собой тоже раскладываются по полочкам, отвлекая от внутреннего диалога.

Заказ Влада – жутко полезное рагу – тушилось на медленном огне. Я раскрыла журнал.

– На что засмотрелась? – спросил Влад, заглядывая в журнал со спины.

На глянце с запахом свежей типографии красовался уютный интерьер домика с окнами до пола, за которыми виднелось море. Внутри царил покой, пылал огонь в камине, в пустом кресле лежала открытая книга.

– Мещанство, – заключил он, отходя. – Мечты неудачников. Что там с твоей подругой, которая сегодня истерила на весь офис?

– Дашка страдает, – ответила я, продолжая рассматривать картинки, не читая текста. – Несчастливая любовь.

Влад что-то поискал в тумбочке и перешел к шкафу.

– Тоже мне – героиня романа... Гм! – хмыкнул он. – Посоветуй ей сесть на очень строгую диету. И все мысли скоро будут о еде.

– Если ты не можешь испытывать подобного чувства, это не значит, что другие люди столь же обделены, – стараясь скрыть упрек в безразличной интонации, заметила я.

Влад нашел какую-то коробку и закрыл шкаф.

– Твоя проблема в неправильных представлениях о людях, – сказал он ровным голосом судьи, зачитывающего решение именем Российской Федерации. – Какая к черту взаимная любовь? Все хорошее, что мы делаем, все наши чувства, прежде всего, призваны обеспечить наши потребности. Умаслить наше эгоцентричное «я». Мы абсолютно все делаем только ради самих себя: заботимся о родителях, чтобы знать, вот какие мы хорошие дети, поддерживаем друзей, чтобы в трудную минуту было у кого попросить помощи, и говорим о любви с теми, к кому испытываем физиологическое влечение, с кем удовлетворяем свои плотские потребности. Не нужно делать такие глаза! Такова правда жизни. Более того, я глубоко уверен, что именно такое поведение рационально, разумно и единственно верно.

– Ты говоришь чудовищные вещи! – покачала я головой.

– У тебя что – запоздалый весенний авитаминоз? – поинтересовался Влад, не отрываясь от своей коробки. – Хочешь любви, сходи в кино. Твоя Дашка – глупая самка.

– Почему ты со злом относишься к людям?

– Был бы добрым, если бы знал, что это мне пригодится. Страсть пришла и ушла. А самые длительные отношения между мужчиной и женщиной – это когда они взаимно выгодны, понимаешь?

После ужина мы разбежались по разные стороны квартиры. Я не знала, чем занят Влад. Я слушала музыку, сидя на кухонном подоконнике.

Город гудел. Торопился. Нежная листва абрикоса на корявой ветке шевелилась передо мной. Через приоткрытое сверху окно сочилась сигаретная прохлада. Соседи курили на балконах. Ветер носил дым. Напротив, через дорогу поставили новый прямоугольник рекламного щита. Ярким неонem пятнал он листву, что оставалась для меня последним близким напоминанием о мире природы в пределах того тоннеля, по которому я перемещалась изо дня в день.

Влад появился на кухне, выдернул наушник и послушал. David Bisbal проникновенно пел о любви. Лиричный испанский ласкал слух.

– Тот же детский лепет. – Влад вернул наушник. – И здесь вздохи по любви. Моя тирада о благоразумии, очевидно, оказалась напрасной. Печально.

– Что ты от меня хочешь?

– Тебе далеко не восемнадцать. Взрослая тетка. Я бы на твоём месте подумал о будущем, а не сидел без дела.

– Будущее? – эхом отозвалась я, смотря невидящим взором в пустую перспективу лет. – А что там?

– Старость, – усмехнулся Влад. – В будущем ждет старость. Сейчас не подсуетишься, так и состаришься, витая в облаках иллюзий.

Он выдвинул табурет, сел напротив, закинул ногу на ногу и сцепил пальцы на коленке. Лицо выражало превосходство ума и проницательности надо мной. Я ощутила себя глупым молодым щенком, на которого педантичный старый хозяин снисходительно обратил внимание.

– Вот я уже сейчас беспокоюсь об обеспеченности своей старости, – произнес Влад довольно. – Хороший счет в банке, да не в одном! Выгодное инвестирование, игра на курсе валют и скупка недвижимости там, где через десять – пятнадцать лет она будет в большой цене, – это мое обеспечение, радость и покой. Вот чем нужно тебе заниматься.

В душе я тоненько улыбнулась. Ирония в последнее время помогает мне не сломаться. Я боюсь за себя. Ведь ирония при долгом употреблении грозит перерасти в хронический сарказм.

– Ты давно мертв, – сказала я с горечью. – И беден. Настолько беден, что все, что у тебя есть, это деньги.

Влад даже глазом не моргнул.

– Найди лучше! Гм! От маленьких вещей бывают большие тени. Поразмысли на досуге о своих неконтролируемых эмоциях.

Я глубоко вздохнула. От его доводов у меня началась головная боль.

Ночью проснулась от его прикосновений и ласк... и поняла, что не испытываю желания. Мерзкая гадливость духовной разобщенности убивала физическое влечение. Я вырвалась и вскочила с дивана. Влад не стал настаивать. Я заметалась по квартире, судорожно оделась и вышла в ночь.

Люди спали. Город наблюдал, щетинясь антеннами, пугая вpalыми дырами этажей незаконченного строительства и безысходной тусклостью подземных переходов.

Пахло каштанами, цветущим кустарником и речной водой.

Пустынная улица приглашала вдаль, туда, где зарево огней вставало выше крыш. За ними ряд мостов и стремительный спуск в низину частного сектора, плотно застроенного до самого устья Кубани. За рекой царство складов, автосалонов, полуразрушенных заводиков и только потом – манящие освободиться длинные трассы, поля и яблоневые сады.

На углу между кварталами имелся небольшой круглый газон. Я разулась и пошла босиком по траве. Стебли слегка кололись скошенными верхушками. Мурашки поползли по рукам и спине.

Деревья и провода с любопытством посматривали на меня, мерцая отраженным светом фонарей. Огней в окнах практически не было. Машин тоже.

Я подняла голову и посмотрела в кусочек звездного неба. Сверкая бесконечностью, звезды оставались прекрасными. Такими же, как в детстве.

Я задыхалась в окружающем меня пространстве и не находила правильных решений, боясь перемен. Кого я могла винить? Это мой выбор...

– Ненавижу себя! – сказала я вслух.

– Бывает, – тень отделилась от угла дома, вырастая в темную фигуру. Вонючий обросший бомж с глазами забытого всеми героя неторопливо приблизился, пряча руки в отвисших карманах заскорузлого плаща. Он подошел и прочитал отчаянье на моем лице.

– В такую прекрасную ночь как-то особенно не хватает апокалипсиса, – сказал он шепеляво и пошел мимо, едва не задев плечом.

Глава 5. Адъёс!

Неизвестный хотел апокалипсиса, и он наступил, пришел тихо, даже не поздоровался.

Утром мы не разговаривали. Влад обстоятельно позавтракал и оделся, с присущей ему скрупулезностью уделяя внимание запонкам и парфюму. Внимательно осмотрел тщательно выбритые щеки и подбородок. Остался доволен собой и ушел вперед меня к машине. Я плелась сзади, стараясь двигаться как можно медленнее.

Офис встретил привычным совещанием. Затем рой дел увлек каждого исполнением своих задач. Пару раз мы пересекались по работе. Я упорно смотрела в сторону, с внутренним спокойствием игнорируя насмешливое заигрывание в колючих репликах. Его слабые попытки сократить дистанцию и прикоснуться ко мне – не в счет.

Суматоха последней недели улеглась. К совету директоров мы подготовились. Когорта всемогущих учредителей уже завтра даст о себе знать. Девчонки звали на чай. Я не пошла. Стопки дел по обеим сторонам стола не уменьшались.

После обеда монотонность и объем работы разгладили пульс ночных метаний в длинную нить вялотекущего безразличия. Я закопалась в цифры и процессуальные нормы, строча отзывы на исковые заявления и кассационную жалобу.

– Вы просили архивные данные за истекшие три года. – в кабинет вошел курьер, с трудом неся прошитые суровыми нитками толстые папки бухгалтерских документов по первичному учету материальных ценностей.

– За три года? – рассеянно повторила я за ним. – За три года... Ах, да! Спасибо, положите вот сюда.

Когда парень вышел, я закусила губу.

«Хватило трех лет...» – обреченно отозвалось что-то внутри меня и растворилось в горечи мыслей.

Отложив в сторону судебные дела, я наклонилась над столом, обхватив голову.

– Три года... три года... – пульсировала кровь в висках. А потом рука сама собой потянулась, взяла чистые листки бумаги и стала писать.

– Мне нужен отпуск, – произнесла я, войдя в кабинет шефа.

Александр Валерьевич удивленно поднял глаза.

– На месяц. За свой счет, – положила я перед ним заявление.

– Это невозможно, – протянул он заявление обратно.

Я скомкала последний мостик моей карьерной лестницы, испытывая от шороха бумаги слабое неестественное наслаждение.

– Тогда я увольняюсь, – спокойно произнесла я, прислушиваясь к тому, как звучала фраза. Второе заявление легло на стол.

Вместо ответа шеф снял очки, откинулся в кресле и пронизательно посмотрел на мое осунувшееся лицо. Я стояла перед ним. Большие окна с двух сторон открывали прекрасную панораму на город, на мир, полный новых возможностей. Чертовски уютное безразличие застыло в душе.

– Вижу, отговаривать Вас бесполезно?

Я кивнула с видом сомнамбулы. Мы помолчали.

– Жаль! Столько лет. Неожиданно, – он снова надел очки и написал резолюцию для отдела кадров. – Придется отработать две недели. Сами знаете, много дел требуют решения.

– Разумеется, – согласилась я.

Другим человеком вышла я из кабинета. Радости пока не чувствовалось, зато изменился угол восприятия. Перспектива офиса отодвинулась с обратным 3D-эффектом.

В приемной столкнулись с Владом. Он окинул меня взглядом и пошел к шефу, а через несколько минут я услышала его шаги, догоняющие меня в коридоре.

– Постой! – ухватил он меня за локоть. Его недоумевающий рассерженный вид говорил сам за себя. – Давай договоримся: мухи – отдельно, котлеты – отдельно, как говорится. Гм! Твои эмоциональные проблемы не должны отражаться на нашей совместной работе. В последнее время...

– Ничего нашего больше нет, – перебила я, поднимая на него пустой взгляд. Стало холодно и неудобно. Я прижала к груди папку с документами и отступила на шаг, пытаясь отгородить личное пространство.

– Да ладно? – он еще не понял и посмотрел теперь на меня с легким оттенком иронии.

– Я ухожу, – тихо сказала я.

– От меня? – Влад поспешил вооружиться ухмылкой.

– Отовсюду.

Влад нахмурился. Я отвернулась и зашагала в отдел кадров.

Он догнал меня снова.

– Только не говори, что была обделена в постели. Чего еще надо? – спросил он ледяным тоном.

– Заботы, понимания и чувства юмора, – я остановилась и посмотрела на него. И не узнала. Не узнала во Владе того мужчину, которому отдавала себя с любовью.

– Одолжи теперь у своего богатого внутреннего мира и секса, – надменно произнес он.

Появилось желание бросить ему в лицо какое-либо ответное оскорбление. Я смолчала, понимая, что злость на него пожрет меня самую быстро и целиком.

Его окликнули, я пошла дальше, слегка дрожа от возмущения. Не зная, куда себя деть, наведальась в бухгалтерию и объявила о своем увольнении.

– Вы как сговорились с Дашкой! – удивлялась Ольга. – Из-за мужиков такие глупости вытворяете.

Я не стала объяснять ей. Разве не понятно, что женщина является отражением мужчины, его отношения и внимания, при которых цветешь либо вянешь?..

Придя с работы, я сразу ощутила пространство квартиры чужой территорией. Стараясь не терять времени, собрала свои вещи и вызвала такси.

– И куда ты пойдешь? – холодно поинтересовался Влад. Наблюдая за мной, он стоял в дверях кухни.

Я не ответила, по очереди перетаскивая чемоданы на лестничную площадку.

– Не хлопай дверью лифта! – донеслось вдогонку.

Я уходила. Молча. Без упреков. В никуда.

И совсем не страшно!

Я глубоко вздохнула и нажала кнопку лифта.

Небольшая гостиница стала моим приютом. Обременять других не хотелось. У всех свои проблемы, вязкий, но свой, обжитой уклад жизни, скроенный из привычек и привыканий.

Ночью обнаружила, что мне нужно двигаться. Идти. Все равно куда, лишь бы идти и смотреть, как меняется картинка, происходят какие-то действия, сменяются лица прохожих.

Я оделась и вышла в ночной город. Через два квартала опомнилась. В жизни я делала много глупых ошибок. Уйти без наушников – уже перебор. Однако возвращаться не стала. Мне начинало нравиться не возвращаться.

Пошла, не разбирая дороги. Где-то разрытые ямы, где-то из тепловодных труб торчит стекловата. У автобусных остановок мусор. В темных беседках тесных дворов огоньки сигарет и ядерный мат.

Я ходила и смотрела по сторонам. Промышленные трубы ТЭЦ дымили вулканическими облаками. На магистральных развязках стерты полосы пешеходных переходов. Фонарные

столбы на остановках махали ключьями афиш. Свеженькие объявления перекраивали мозаику старых реклам. Исполосованный рельсами, проводами, пыльными загородками и глухими заборами новостроек, город соответствовал внутреннему состоянию.

Яркие фонари главных улиц и веселые компании разбавляли грусть одиночества, которую я пила десертной ложечкой как не слишком вкусный, но новый на вкус сиропчик.

Забрела в крохотный ресторанчик бог весть где. Через несколько секунд уже сидела за столиком. Принесли большую порцию мокко. Полумрак интерьера скрывал того, кто пел красивую песню. Страстный и нежный голос с небольшой хрипотцой ласкал слух.

«Островок настроения, – печально улыбнулась я. – Толкни дверь, и вот она – временно воссозданная атмосфера гармонии – разобьется о грязные запыленные кварталы».

Подвинув стул, прижалась спиной к прохладе стекла и отхлебнула терпкого счастья. Может быть, сегодня я приняла первое правильное решение?..

Мне отчаянно стало нужно улететь из этой жизни. Далеко! Испания – решила я. С некоторых пор меня влекло именно туда, я слушала испанскую музыку, разглядывала фотографии атлантического побережья. Хотелось затеряться в каком-либо не сильно людном месте. Хотелось перемен. Хотелось спокойствия.

Песня закончилась. Кофе тоже. Я нехотя вышла на улицу.

Две последующие недели прошли за ударным трудом на благо фирмы. С Владом старались не замечать друг друга, хотя напряжение чувствовалось буквально в воздухе, что не позволило отметить девчонки. Дашка больше молчала, а Ольга громогласно осуждала меня за глупые действия. Я лишь пожимала плечами, мысленно находясь слишком далеко, чтоб реагировать на события, слова и людей.

– Если будет трудно – возвращайтесь! – сказал шеф на прощанье.

Я поблагодарила его, но знала – не вернусь.

Что ж? Безработная, бездомная, ничья, я купила билет в Испанию, открыла визу, оставила скромный скарб на хранение у Дашки и теперь ехала в аэропорт.

Ни разу не чувствовала себя более свободной! Лихорадочный блеск глаз и приподнятое настроение подтверждали процесс вкушения иной реальности.

Я слишком много рассуждала. Слишком долго умничала. Теперь появился шанс много жить и долго проверять. Жизнь ведь – просто путь. Или нет?

Глава 6. Другая жизнь

– Вот! – поворачивая телефон ко мне экраном, сказал попутчик – тридцатипятилетний чилиец в темном свитере и бежевых широких шортах. – Я возрождаю древние традиции.

– Варган, – склонилась я над изображением. – Вы исполняете этническую музыку?

– Не совсем музыку. Таким образом я общаюсь с миром.

И Марсело принялся рассказывать, что на заре религии, когда еще законы магии не объяснялись божественным происхождением, шаманы древности использовали варган, или, как говорил он, «trompe», для вхождения в транс и общения с духами.

Чилиец смешно размахивал пальцами у своих губ, пытаясь воспроизвести звучание голо-сом. Он уверял, что именно такие мотивы хранило его родное племя Maruche.

Мне нравилась его непосредственность и манера объясняться.

Прямых рейсов в Испанию из моего города не было. Пришлось лететь с пересадкой в Москве. А Марсело возвращался с тура по славянским странам.

– На вашем севере и сейчас живут несколько шаманов, – сказал Марсело.

Я кивнула. Почему бы и нет?

– В следующем году собираюсь к одному из них. В Магаданскую область. Чтоб пожить в лесу, в землянке. Рыбачить и охотиться в тайге. И долго практиковаться. Много практик, много эзотерики.

– Тонкий мир интересует?

– Много миров. Много духов и сущностей.

– Зачем тебе? – любопытствовала я.

– Расти. Познавать тайны. Научиться надолго уходить из настоящего. Оттуда можно приносить сюда материальные предметы, растения, знания. Туда можно уходить на месяцы, оставляя свою физическую оболочку, скажем, спать в закрытом помещении.

– Астральные путешествия?

– Нет ничего волнительней!

– И опасней.

– Мне себя не жаль, – сказал Марсело. – Там, за пределом, я испытываю такое, чего здесь никогда не мог себе представить.

Я внимательно посмотрела на него. Сведенные брови, напряженный взгляд, расширенные зрачки. Да. Пожалуй, он говорил серьезно.

– Ты читала Кастанеду? – спросил он, убирая телефон в карман.

– Не так опасен Кастанеда, как тот, кто его прочитал, – пошутила я.

Марсело не сразу понял. А потом странно рассмеялся.

– Реальный мир тебя, получается, не устраивает? – вслух подумала я.

– Что ты подразумеваешь под реальным миром? Это? – он махнул полукругом. – Ты же его почти не замечаешь. Двигаешься по своему ограниченному тоннелю и видишь малую часть. Кстати, он далеко не единственная наша реальность. И, должен признаться, не одна из самых совершенных. Но я вовсе не стремлюсь избавиться от нее полностью. – Тут Марсело слегка побледнел. – Подобные вещи удаются единицам. Зато я переосмыслил свое нахождение в ней.

– Каким образом? – заинтересовалась я, почуяв нечто неуловимо важное.

Он развернулся ко мне. Газета, которую чилиец держал на коленях, соскользнула вниз.

– Ты замечала – сначала мы учимся обо всем думать, а потом приучаемся смотреть на вещи так, как мы о них думаем?

– Пожалуй, да, – согласилась я.

– Ну, и?.. – Марсело внимательно глядел на меня в глаза, ожидая выводов.

– Ты хочешь сказать, мы можем постоянно изменять наше представление об одних и тех же вещах?

– Умница! А теперь реши – почему мы так не делаем. Или делаем, но редко.

– Система, уклад, обстоятельства, – пожалала я плечами.

– Разрушай систему!

– Кто не хочет оставаться в системе, тому место на обочине дороги, – возразила я, с некоторых пор я задумывалась о невидимой сети условностей и общепринятых норм. Они душили меня. Я винила во всем себя.

– Страшит обочина? – Марсело поднял газету, опять повернулся в кресле и сделал вид, что читает.

– Да, – призналась я.

– Чем?

– Не хотелось бы становиться на грань материального выживания.

– А если тебя через месяц не станет? Важно ли тогда благополучие?

– Нет, разумеется. Но «если» – это бич мозга, тормоз и якорь одновременно.

– Говори проще – трусость.

– Да.

– Хочешь продвинуться, изменить жизнь, но находишь тысячи отговорок, верно?

– Абсолютно верно. Даже приняв решение, постоянно оглядываешься назад и выстраиваешь огромную конструкцию будущей жизни на случай неудачи и отступления на прежние позиции, – кисло согласилась я и вздохнула.

– Знаешь, в чем ошибка? – Марсело резко закрыл газету и впихнул ее в чехол впереди стоящего кресла.

– Скажи, – прищурилась я, выжидая ответа.

– Путь назад закрыт. Его просто не существует, – заявил он, разводя руками.

– Как это? – испугалась я.

– Просто. Ты возвращаешься не на путь, а на физический уровень существования.

– А если все-таки ты вернулся?

– Прокручиваешься по кругу. Потом либо тебя выносит центробежной силой в новые, и не факт, что не в подобные обстоятельства, либо ты медленно умираешь в пустой отмершей оболочке вчерашнего.

Я разволновалась. Поток встревоженных мыслей рождал уйму вопросов, в которых я путалась. Старые проблемы всплыли на поверхность. Уйдя от Влада, я хотела быстрее забыть, залатать душевную пустоту. Растоптанная любовь вызывала горькие воспоминания. Долгая жертвенная покорность обстоятельствам сейчас расценивалась как низкое и недостойное, короче говоря – бесхребетность. Мы некоторое время молчали.

«Знала же, что Влад пользуется мной. И, нет! Мне, будьте любезны, хэппиэндик с привычным и узнаваемым «и жили они долго и счастливо, – не без сарказма в свой адрес подумала я. – А чтоб разом... еще тогда... несколько лет назад отринуть все понятное и рвануть в непостижимое – боязно!»

Глубоко вздохнув, я пронаблюдала через иллюминатор скопление облачности на высоте в несколько километров над землей.

«По крайней мере, процесс запущен. Отношений больше нет. Все кончено. Работы с его присутствием тоже нет. За время отдыха перенастроюсь и определюсь, как мне дальше жить», – подвела я незримую черту, сразу успокоилась и отвлеклась.

Прошла стюардесса, предлагая напитки. Мы выпили сока. Хотела одеть наушники и включить музыку, но передумала.

– Марсело, а много силы требуется для путешествий по иным реальностям? – спросила я попутчика.

Он качнул головой несколько рассеянно и ответил не сразу. Маска неподвижности растворялась, возвращая мимику лицу и осмысленное присутствие взгляду. Мое буйное воображение красочно рисовало возвращение чилийца из параллельного мира.

– Силы на путешествия? Изначально – нет, – произнес он вдумчиво. – Изначально требуется осознание и стремление для движения по пути силы. В процессе выходит по-разному.

– Что важнее – сила духа или количество энергии? – напрягая интеллект, я пыталась вникнуть в суть эзотерического знания.

– Личная сила – есть и дух и энергетическая субстанция одновременно. Она в каждом, в тебе тоже. Пойми, чего ты хочешь, и сила сразу понесет тебя в заданном направлении.

– А ты сразу понял, чего хочешь?

– Нет. Мне пришлось учиться понимать свои настоящие, подлинные желания. Они оказались несоизмеримо далеко от материальных воплощений. Когда-нибудь ты поймешь, нет ничего ценнее пережитых эмоций, – сказал он. – И до самого конца будешь испытывать жажду нового.

Я не ответила. Но я хотела понять. Очень! Самолет благополучно приземлился.

– Сотри свою личную историю. Освободись, потеряй и получишь новое. Главное, не бойся. Самые невообразимые трудности в нашей голове. Страх потерпеть неудачу хуже самой неудачи, которая еще не конец пути. Ты непременно продолжишь движение и вскоре позабудешь то, чего дольше боялась, нежели делала... – сказал Марсело мне на прощанье.

– Как избавиться от страха? – крикнула я ему вслед.

– Представь, будто через месяц тебя не станет, – донеслось в ответ.

В нем ощущалась мощная, но чуждая мне сила, ревущим потоком прошедшая в непосредственной близости и посеявшая непомерно живучие дикие семена в тепличную почву моей психики.

Долетев до Мадрида, мы расстались. Увлеченный своими идеями, Марсело спешил на регистрацию следующего рейса. Я торопилась дальше.

Больше суток пути с пересадками, и вот, наконец, я оказалась в небольшом живописном городке на северо-западном побережье современного королевства.

Въезжая в город по проспекту с видом на океан, едва не подпрыгивая от восторга и нетерпения, я поняла – Байона именно такая, как я представляла.

Невысокие горы, поросшие деревьями, спускались к заливу. Утопая в зелени, верхние постройки граничили с тенистыми садами, парками и изумрудным морем лесов. Живописная лента побережья манила восхитительными пейзажами. Слева на полуострове за сосновым бором расположилась древняя крепость с башней и крепостной стеной. За ней уютный порт сверкал белоснежными яхтами. Дома вокруг побережья взбирались ввысь красочным архитектурным ансамблем.

Мой любопытный взгляд бегал с обстоятельностью засланного резидента. Дух времени накладывал на Байону свой характерный знак. Согласно проверенным агентурным данным, мирно дремлющий сегодня, в средние века этот городок познал яркую историю.

Будучи главным портом Галисии в XIV-XV веках, Байона привлекала португальских, английских, голландских и алжирских пиратов. Досталось городу и от знаменитого Френсиса Дрейка. Именно отсюда по миру разнеслась новость об открытии Колумба.

Свидетельством того времени теперь служили крепость Castillo Monterreal, сегодня оборудованная под парадор, реконструкция каравеллы «La Pinta» из флотилии Колумба, стоящая в гавани, и удивительно прекрасно сохраненная историческая часть города с целыми улицами, тающими воспоминания ушедших веков.

Я открыла окно и жадно вдохнула воздух.

Сильный запах йода, морской воды и чего-то никогда прежде не изведенного... блаженное состояние... ветер перемен...

«Моя страна чудес!» – подумала я мечтательно и улыбнулась Байоне как огромному подарку судьбы.

Остановилась у пожилой испанки в крошечном отеле с небольшой лужайкой, которая с гордостью именовалась садом. Донна Лусия, так с первых минут знакомства окрестила я ее за благородное выражение лица и элегантную манеру двигаться, сразу пригласила меня разделить с ней обед.

Долгий путь остался позади. Новая атмосфера звала присмотреться, прислушаться, войти в иной ритм. Сидя на маленькой кухне, увешанной чугунными сковородками, кастрюльками и уставленной всевозможной глиняной посудой, я медитативно наблюдала за процессом сервировки стола. Состояние покоя и уюта дополняли интригующие запахи.

Я поделилась с хозяйкой своими первыми впечатлениями, восторгами и приятным настроением. Донна Лусия говорила односложно и мало, но лучистые глаза не переставали улыбаться.

Она не спрашивала, кто я и откуда, не интересовалась, где я работаю и зачем приехала. Неторопливыми движениями она привычно творила повседневную гармонию из маленьких житейских мелочей.

Есть люди, к которым сразу же проникаешься симпатией. Донна Лусия принадлежала именно к таким. Все, от светлой в мелкий розоватый цветочек блузки и классического покроя оливковой юбки, черных с теплым оттенком остриженных по плечи волос до ее манеры смотреть, говорить и двигаться – говорило о доброжелательности.

На столе одно за другим появлялись блюда местной кухни.

– Что это? – поинтересовалась я, с энтузиазмом дуя на ложку наваристого хлёбива.

– Суп *Caldo galego*, – ответила донна Лусия.

Исследовав состав и проведя чуть ли не спектральный анализ, я установила, что праздник вкуса заключался в умелом сочетании свиных ребрышек, колбасы, картофеля, белой фасоли, капусты и мелко нарезанной ботвы репы, сдобренных острыми специями.

За галлийским кальдо появился вареный свиной окорок с брокколи. На десерт – нежный сыр *Tetilla* и кусок миндального пирога жизнеутверждающего размера.

– Тебе понравится у нас, – сказала донна Лусия, по-матерински снисходительно наблюдая, как я принимаюсь, пробуя на вкус и с видом сомелье долго смакую ее кулинарные шедевры.

– Уже нравится! – подняла я на нее сверкающие глаза.

Мой восторг возрос до запредельных высот. Впервые за несколько лет кто-то заботился обо мне. Я разве что не мурлыкала, приятно удивляясь радушию донны Лусии. В ответ подарила ей стратегический запас любимого шоколада с целыми вишнями.

«Немножко полежу, и сразу не берег!» – подумалось по возвращению в свой номер. Не разбирая вещи и не сняв одежды, я взобралась на кровать, свернулась в клубочек и сладко уснула на покрывале оттенка перламутра.

Посреди ночи проснулась и долго стояла под теплым душем. Закрыв глаза, я напевала мелодию одной из песен *Felipe Santos*. Отчаянно фальшивила. Ну и что? Зато мне хорошо!

А после распахнула окно и взобралась на подоконник. Яркие огоньки пристани, аромат океана и петуний, теплый бриз очаровывали. Внутренний диалог прекратился. Мысли уступили место приятным ощущениям. Состояние тихого счастья пронизывало все мое существо.

Вдруг калитка у соседнего дома скрипнула. Звякнул велосипедный звонок. Загорелся фонарь. Внутренний дворик осветился.

По обеим сторонам дорожки, ведущей к дому, виднелись богатые заросли разноцветов. Ночные бабочки и мотыльки призрачными тенями перелетали с цветка на цветок. Периметр, как и у донны Лусии, оказался засажен кустами и низкорослыми деревьями, а высокая арка

над калиткой густо оплетена лианой с продолговатыми листьями и кисточками игольчатых соцветий.

Появился невысокий парень в кожаной куртке и вязаной шапочке. Ведя велосипед, он неспешно шагал к дому. Мечтательное выражение отражалось на молодом простодушном лице. Неторопливо подойдя к входной двери, он поставил велосипед у стены и, гремя ключами, вошел внутрь. Чуть позже фонарь погас, и пространство погрузилось во мрак.

Глаза быстро привыкли, различая очертания местности, которые опять приобрели легкую бархатистость. Скопления звезд в небе вспыхнули и замигали еще ярче. Я мысленно поблагодарила парня за возвращенную темноту и продолжала упиваться первой ночью в Байоне.

Робкий перебор струн отвлек меня от созерцания. Повернув голову, я увидела через открытую дверь освещенной комнаты второго этажа босоногого соседа. Скинув куртку, парень наигрывал обрывки незнакомой лирической мелодии.

Я отползла в правый угол подоконника, чтобы удобнее наблюдать ночной концерт, и, довольная, привалилась к оконной раме. Теперь его лица рассмотреть было невозможно, но настроение улавливалось по движениям и манере игры.

Он отвлекся, застучал меня и всмотрелся, желая убедиться в моем реальном существовании. Я замерла, сдерживая смех. Он переступил с ноги на ногу, вытягивая шею, потом смущенно усмехнулся и поспешно скрылся из виду. Я засмеялась, соскочила с подоконника и побежала в постель.

Было замечательно! Музыка этого мира тихо звучала во мне.

Глава 7. Половинка апельсина

А назавтра мы встретились на причале. Тот парень, сосед, он сидел на корме своей маленькой прогулочной яхты, курил и беспечно смотрел по сторонам.

До встречи с ним я ходила и заглядывалась на всевозможные суда и суденышки. Деревянные доски длинных причалов приятно поскрипывали. Байона оказалась тем спокойным дремлющим городком, в котором просто нельзя никуда спешить. Людей практически не было, меня потянуло к океану.

– Прогулка на яхте, сеньорита! – произнес он, когда я остановилась напротив.

Парень вкратце пояснил суть предложения, я подумала две секунды и кивнула. Он откинул маленький трап. Я неловко взошла на борт. Так и познакомились.

Почти сразу к нам присоединилась пожилая пара немцев. Узнав наши пожелания, Диего, так звали парня, снялся с якоря, и причал медленно отпустил нас вдаль, где поверхность океана величаво и медленно вздыхала глубинами.

Я раскинула руки, запрокинула голову и глубоко вдохнула просоленный воздух. Дрожь удовольствия пробежала по спине.

Солнце поднималось выше, плясало водяным сиянием. Соленый ветерок перебирал прядками волос. Как хорошо! Океан плавно подчинял, манил. Я постепенно растворялась в нем.

Немцы сидели поодаль. Отрывисто переговариваясь, они вертели головами. Плавно скользя по сверкающей водной глади, судно шло вперед.

Диего управлял яхтой. Его каштановые, вьющиеся на самых кончиках, волосы смешно топорщились из-под вязаной шапочки. Отплыв на приличное расстояние от берега, он спустил парус. Яхта легла в дрейф, а беззаботный капитан достал спиннинги, снасти, пластиковые банки с наживкой и вопросительно поманил взглядом.

Радостно наморщив нос, я хихикнула и потянулась собирать спиннинг. Рыбалка – одна из страстей, сильно и глубоко цепляющая мужчин. То же слегка коснулось и меня.

С умным видом старалась я определить, чему отдать предпочтение – креветкам, червям или «самодурам». Следовало взять креветку, но у меня имелся иной резон.

Резкий специфичный запах калифорнийского червя полоснул обоняние, когда наживка скользнула по обманчиво гладкой извилине крючка. Придерживая обвес, я подняла скобу катушки, отошла в сторону, замахнулась и забросила бомбарду.

Свист лески и утробный бульк бомбарды метрах в двадцати автоматически переключили меня в режим добывания. Медленно наматывая леску, иногда легонько подергивая снасть, я сосредоточилась на тактильных ощущениях.

Первый раз прошел вхолостую. Проверив состояние наживки, забросила снова.

Немцы – Ханна и Бен – не рыбачили. Они сидели и переговаривались нордическими отрывистыми голосами. По смеху и слегка растянутому произношению некоторых фраз на повышенных тонах можно было догадаться о выражении эмоций во время беседы.

Два ощутимых подрагивания лески, и я замерла. Нет. Ничего. Мы медленно дрейфовали к юго-западу.

Немцы нахлобучили на себя широкополые джинсовые панамки. Ханна вскоре перешла на английский, расспрашивая о городе. Я ответила, что ничего не видела пока. Зря! На меня обрушился поток рекламно-туристической информации.

– Не бывали? Сходите, – повторяла она.

– Хорошо. Непременно, – обещала я, не выдержала и замахала руками. – Нет! Нет! Больше ни слова, прошу Вас! Хочу сама выбрать места и составлять о них мнение.

Она погрузилась, встала и развернулась к океану. Опираясь о плечи мужа, Ханна любовалась пейзажем.

– Красиво все-таки! – заметила она.

Ветерок налетел, качнул яхту, вскользь облизнул парус.

– Ах! – воскликнула Ханна, приседая от крена. Панамку сорвало с ее головы и отнесло за борт. Панамка шлепнулась в воду и начала тонуть. Джинсовая материя быстро намокала.

Диего, будучи нашим капитаном, не мог позволить приключиться потере. Он взмахнул спиннингом и быстренько поддел из воды панамку концом удилища. Обливая нас водой, панамка вернулась к своей хозяйке под наши восторженные аплодисменты.

Бен полез в корзинку за бокалами и бутылкой вина.

– Надо отметить! М? – предложил он.

Мы с Диего отказались. Бен откупорил бутылку и разлил по бокалам белое «Gabo do Xil» из Восточной Галисии.

– Ужасная шляпа! – смеялась Ханна, отжимая панамку и раскладывая рядом с собой для просушки.

– За спасение утопающих! – произнес тост Бен. Они подняли бокалы и отпили по глотку.

Диего нервно дергал снасть. От манипуляций леска перекрутилась и запуталась, часть узлов успела намотаться на катушку.

– Давай помогу, – предложила я.

– Было бы неплохо, – сосредоточенно заметил он.

Я быстренько закрепила свое удилище, делая упор между кормой и сиденьем, перебралась на его импровизированный капитанский мостик и принялась разматывать кружево прозрачных узлов.

Диего озадаченно распускал конец лески одной рукой. Мелькали неровно остриженные ногти. Огрубевшие от воды и солнца тонкие пальцы с заусенцами хранили крепкий дух табака.

– погоди! Не так, – сказал он, облизнув губы.

– Туда надо тянуть, – возразила я.

– Да нет же, – Диего продел завиток лески, потянул и больше запутал моток.

Я перевела взгляд на него. Нежная кожа, незатейливый взгляд, легкая щетина на округлом лице, слегка курносый нос и тонкие подвижные губы – мальчишка мальчишкой.

– Ага! Вот, нашел, – воскликнул Диего. – Эх!

– Нет. Вот здесь, видишь основной узел? – ткнула я пальцем.

– Да погоди ты! – хмурился он.

– Намотай немного, – попросила я, распутывая и выпуская часть лески. – Ага. Хватит.

Споря и препираясь, вместе мы справились.

– Ишь, ты! – заинтересованно посмотрел на меня Диего. – Где научилась?

– У рыбаков, ясное дело, – откликнулась я.

Мы стояли рядом. Диего крутил катушку, собирая леску. Я иногда вмешивалась в процесс, распрямляя кольца лески. Показался пустой крючок.

– У меня попервам часто леска путалась, – пояснила я и усмехнулась. – Против сильного ветра бомбарду кидала. С берега.

Диего весело рассмеялся. Немцы допивали по второму бокалу.

– Что? – вторила ему я. – Другие тоже так делали. У них почему-то не запутывалась.

– Поймала что-либо?

– Тогда? Ага. Морскую собачку, пока леску сматывала. Пришлось одному знакомому в воду за ней лезть. Иначе – хана снасти! В середине декабря дело было. Вода уже холодная, благо – неглубоко.

– Что значит «хана»? – поинтересовался Диего. Он стоял и с завидным интересом слушал мою болтовню, улыбаясь и шурясь от солнца.

– Капут обвесу! – деловито заявила я, скрестив ладони. Бен услышал знакомый говор и стал прислушиваться, но мы продолжили по-испански. – Пришлось бы обрезать или подтягивать до тех пор, пока леска не порвется, – сказала я. – Да и что проку? В пищу они непригодные.

– А морские собаки – они какие?

– Наглые и прожорливые! – в сердцах буркнула я, вспоминая кошмарные особенности берегового лова. – Мелкие сорные рыбешки, сантиметров семи – двенадцати, пучеглазые, неприметного окраса и ужасной репутации, – пояснила я. – Собачка проглотит наживку и под камни сразу ныряет, да поглубже забирается. Ты ее тянешь, а она намертво застряла! Так-то!

– Хе-ге! – усмехнулся Диего, морща лоб. – А если быстрее подсекать?

– Издеваешься надо мной? – прищурилась я.

– Немножко! – согласился Диего, не переставая улыбаться.

– Сейчас стукну! – улыбнулась я.

– Ой, боюсь, боюсь! – хохотнул он.

Я вспомнила о своей снасти, прервала диалог и, чертыхаясь, поспешила к спиннингу. Наживку подъели. Поменяв червя, я снова закинула бомбарду. Катушка едва слышно жужжала, наматывая леску.

– Скоро мы поймаем большую рыбу, – сообщила я немцам в ответ на их любопытные взгляды.

– Это будет замечательно, – сказал Бен.

– Вы очаровательны! – заметила Ханна.

Я смутилась.

– А ты в курсе, что уважающий себя рыбак всегда съедает первую пойманную им рыбу? Морской обычай! – важно заявил Диего.

Я недоверчиво посмотрела в его сторону. Ветер задул волосы на лицо, я быстренько отвела пряди за ухо и придержала край платья.

– Всегда! – эпически спокойно продолжал Диего. – Иначе удачи не будет!

– Это ваш местный обычай?

Диего бросил на меня разочарованный взгляд и отвернулся, качая головой.

– Эх, ты! А еще рыбачка... Вот если бы ты сказала, что съела тогда морскую собачку – я бы тебя зауважал!.. Смогла бы?

Немного уязвленная, я на секунду задумалась. Собачки вроде не ядовиты.

– Как нечего делать! – небрежно откликнулась я. – Хм! Хоть сейчас!

Глаза Диего сверкнули азартом.

– А спорим? – вызывающе поглядел он, выдвинув вперед нижнюю челюсть. Ему только распальцовки не хватало и на корточки присесть.

– Спорим! – с видом дона Корлеоне отчеканила я. – На что?

– На желание, – тут же сказал он.

– Ого! – вся спесь едва не слетела с меня, чудом удержалась.

– Слабо?

– Не слабо! – дерзко ответила я, протягивая руку. Адреналин взлетел, и разгорелся азарт выиграть пари. – Разбейте, пожалуйста, руки, – попросила я Бена.

– Я слегка пьян, знаете ли, – заметил он.

– О чем спор? – поинтересовалась Ханна. – Давайте я разобью.

Я вкратце сообщила суть. Немцы озадачились. Переглядываясь и хихикая, мы с Диего возобновили рыбалку.

– Она будет есть живую рыбу? Можно, я сниму это на видео? – спросил Бен.

– Не говори глупостей, – одернула его Ханна и отняла бутылку.

– Выпьем еще? – предложил Бен.

Ханна не ответила мужу и отвернулась. Бен разговорился о знакомом греке и его приглашении посетить собственную винодельню.

Я не слушала их. Мне показалось легкое подергивание, я замерла. И снова подрагивание, уже сильнее. Обозначился поклев. Я замешкалась. Подсекать или подождать? Поклев повторился, однако крючок пришел пустым.

«Хорошо! – решила я. – Кто-то там уже понял, как это вкусно».

Выбрав червяка поаппетитнее, я продолжила. Высовывая кончик языка и покусывая губы, я входила во вкус. Диего посматривал и поджидал момент.

Наконец наступил самый лучший момент в рыбалке – леска подобралась, натянулась и на конце блеснуло небольшое плоское тельце. Я поймала крупную сардинку с темной спиной и золотистым отливом на жабрах.

– Ну-у-у-?!.. – вытянул шею Диего, откладывая спиннинг и усаживаясь поудобнее.

– Нож дай, – я сняла рыбку с крючка и подсела к нему.

Он порылся в ящичке со снастями и протянул небольшой ножик с широким коротким лезвием. Я оглушила сардину рукояткой, сделала разрез по спине и принялась отделять мясо от позвоночника и ребер.

Диего недоверчиво наблюдал. Немцы непонимающе хлопали светлыми ресницами.

– У тебя хоть соль имеется? – спросила я. Он мотнул головой.

– Соль есть? – спросила я немцев.

– Вот, возьмите, пожалуйста, – Ханна извлекла солонку из своей корзинки. – Может, с хлебом? – поморщилась она.

– Благодарю, не нужно, – принимая соль, я отвергла хлеб и исподлобья посмотрела на Диего.

С хитрым выражением на лице, он подпер кулаком подбородок и ждал продолжения. Отделив филе, я присыпала его солью, немного растерла пальцем, чтоб впиталась, понюхала и лизнула.

– Реально будешь? – спросил Диего.

– Ты когда пари заключал, шутил? – сказала я и отправила кусочек в рот.

Приторная мякоть была невкусной, но соль спасала положение. Ничего, есть можно... ради особого удовольствия созерцать ошарашенную физиономию Диего.

– Ты крутая! – тихо сказал он и почесал нос.

– Ты проспорил мне желание, – я отправила в рот вторую половинку сардины.

Старалась трескать сырую рыбку с обаятельной улыбкой и добросовестно. И совсем не противно. Даже интересно. Когда две половинки филе были благополучно проглочены, я встала, выбросила внутренности за борт и повернулась к Диего.

– Учись, салага! В тебе, несомненно, имеется подобный потенциал! – оптимистически заявила я.

– Твою ж мать! – не сдержался Диего. – Проси чего хочешь!

Я расхохоталась. Диего никак не тянул на джинна.

– Не сейчас... – кровожадно ухмыльнулась я, решив как-либо отыгаться.

Он встал и пожал мне руку, преисполненный глубочайшего уважения. Моя улыбка едва не лопнула – так широко растянулась!

Бен и Ханна смотрели с плохо скрываемым ужасом.

– Можно мне сфотографировать Вас? На память, – попросил Бен.

– Извольте! – расщедрилась я и потребовала воду для омовения.

Диего зачерпнул и слил мне на руки приятную морскую влагу.

«Не помереть бы от важности!» – подумала я, оценивая произведенный эффект. Сардина внутри вела себя благопристойно. Переживать было не о чем. Я подобрала спиннинг и продолжила рыбалку.

Диего утирал нос кулаком, моргал выгоревшими ресницами, щурился и приглядывал за немцами. Их разморило от вина и солнца.

– Может, попробуете? – предложил Диего Бену, протягивая спиннинг.

– Найд! – замахал руками немец. – Спасибо, молодой человек. Я больше любитель есть рыбу, разумеется, приготовленную, – быстро уточнил он на всякий случай. – И часто Вы здесь что-либо ловите?

– Часто. Практически каждый день, – ответил босоногий капитан, забрасывая снасть подальше. – Если люди заказывают долгую прогулку, улова больше. А бывает, ухажу в специальный ночной рейс с любителями подводной охоты.

– Ух, ты! А сам погружаешься? – поинтересовалась я.

– Конечно. Не надолго, правда. За яхтой нужно присматривать.

– Много выходит за ночь? – спросил Бен.

Диего пожал плечами и переступил ногами.

– Когда как. Половина садка. Иной раз и сетка рыбы набирается.

– Куда столько? – рассмеялась Ханна. – На продажу?

– Кушать, – улыбнулся Диего.

– Мы с мужем успели заметить вашу национальную любовь к морской кухне, – сообщила Ханна. – Она повсюду.

– Блюда из ресторана можно заказать прямо в отель. Очень удобно! – кивнул Бен.

– Солишь рыбку? – спросила я, на секунду отрывая взгляд от воды.

– Иногда солю. Если жирная попадается – отдаю закоптить.

– А я мариную! – похвасталась я.

– Это как? – заинтересовались немцы.

Хотелось подшутить над ними, но я быстро взяла себя в руки.

– Как мясо. В слабом растворе уксуса, вместе с солью, луком и черным перцем-горошком, – объявила я энциклопедическим тоном.

Диего сделал недоуменное лицо. Я усмехнулась и встряхнула головой, прикрывая волосами плечи. Солнце обжигало кожу, а прохладный ветер незамедлительно остужал. Изысканное ощущение блаженства!

– Шесть часов рыбка маринуется в холодильнике. Потом уксус сливаешь, добавляешь растительное масло, и через еще шесть часов можно есть. Без дополнительной обработки.

– Прямо сырую есть? Не обжаривая? – удивились немцы.

– Ага! – отозвалась я. – Вкусно-о-о-о!

– Наподобие маринованной сельди? – уточнил Диего.

– Гораздо вкуснее! Муа! – заверила я его, итальянским жестом целуя кончики пальцев, собранных в щепотку.

– Маринованная – все-таки не сырая! – рассудил Диего, поджимая подбородок и покачивая головой с заговорщическим видом. – Уже хочу попробовать!

– Тебе понравится! – заверила я.

Мы вернулись к лову.

– Скажи честно – как ты решилась съесть сырую сардину? – недоумевал Диего. – Ради пари, да? – его восхищенный взгляд не позволял мне ответить посредственно.

– Хемингуэя читать надо... – гордо отозвалась я и пристально посмотрела вдаль.

На рыбалке время мчится стремительно. Пока возишься с наживкой, меняешь снасти, ждешь клева, вытаскиваешь рыбку или моток водорослей, а то и совсем обрывок лески, незаметно проходят первые два-три часа. Имея редкую возможность рыбачить в России, сегодня я с удовольствием отдавалась любимому делу.

И снова поклевка. На этот раз довольно уверенная. Я подсекла и сразу ощутила небольшое сопротивление. Ненадолго. Ускоряясь, подтянула леску. Сверкая серебристой чешуей, добыча трепыхалась на крючке.

Испуская восторженный вопль, я под аплодисменты Бена и Ханны снимала с крючка рыбешку длиной в двадцать сантиметров с синевато-зеленой спинкой и рядом темных крапин.

– Макрель? – спросила я Диего.

– Макрель, – отозвался он. – Обычно днем не поймаешь. Удачно!

Знатная добыча заставила меня торжественно препроводить рыбку в ведро и принять гордую позу Наполеона. Диего от души рассмеялся. Я вышла из образа, присоединяясь к нему.

Он бросил мне в награду апельсин. Я понюхала его, поблагодарила и потянулась за креветкой. Немцы увлеченно наблюдали за нами.

Вслед за мной Диего выловил шикарную рыбку килограмма на три.

– Чудесная! – воскликнула Ханна.

– Вам, молодой человек, определенно везет! – подтвердил Бен.

– Ого! – растерялась я, меняя крючок на больший и завистливо поглядывая на рыбку. – Я так же хочу!

– Нет! – суровым тоном ответил Диего. – Таких могу ловить только я, и никто больше!

Я удивленно посмотрела на него. Он не выдержал и расхохотался. Я – следом. Диего сиял радостью, многозначительно прицениваясь к весу трофея. Я не поняла, что за вид. Длиной больше полуметра, бурая, крапчато-коричневая, она очень напоминала треску.

Довольные собой и рыбалкой, мы возвращались обратно. Спрятав рыбу в тень и разобрав спиннинги, мы с Диего отмывались от рыбного запаха морской водой.

Немцы достали из своей корзинки для пикников бутерброды и жевали, размахивая ими по сторонам. Их внимание занимали зеленые склоны гор. Они уже планировали маршрут очередной экскурсии.

– Пить будешь? – Диего протянул мне бутылку минеральной воды.

– Да. Спасибо! – я сделала несколько глотков и вернула бутылку. Вода успела нагреться и щекотала горло пузырьками газа.

– Ты сгорела под солнцем, – заметил он.

– Нос и щеки? – догадалась я.

– Ага!

– Пройдет через день-другой, – небрежно махнула я.

– Ты ведь вчера приехала?

– Вчера, – подтвердила я. – Мы с тобой соседи... или не узнал меня? – улыбнулась я.

– Узнал, – хитро прищурился он. – И ты любишь подсматривать за своими соседями.

– Неправда! – возмутилась я. – Случайно вышло. А что ты наигрывал?

– Одну балладу. Средневековую. – Диего мечтательно улыбнулся и посмотрел на океан. – «Зеленые рукава» называется.

– О чем она?

– О красавице, которая отвергла любовь. Впрочем, сейчас баллада исполняется без слов. А четыреста лет назад ее пели на разные лады, переделывая текст и придавая двусмысленность разным сценам.

– Я могу услышать как-нибудь полный вариант?

– Это твое желание? – Диего рассмеялся.

– Нет, нет, нет... Просто просьба.

– Ну, не знаю, – шутливо откликнулся он, потом ушел убирать парус и включать мотор.

Я потянулась, взяла апельсин и принялась чистить его руками, не прибегая к ножу.

Диего исподтишка наблюдал за процессом. Правя в порт, он следил глазами чайно-зеленого цвета за тем, как я вонзила короткие ногти в оранжевую шкурку, как потекла влага по

блестящей коже, брызгаясь цитрусовым ароматом, как с шелестом разъединялись пленки долек, роняя капли сока на голые коленки.

Сняв кожуру, я осторожно разломила сочную плоть и протянула половинку ему.

– Wow! – воскликнул Диего. – Какая щедрость!

Мы опять рассмеялись, искоса смотря друг на друга. Угадывалось в нас обоих что-то покаленное. У каждого имелся свой душевный надлом, завернутый в несколько слоев самоуверенности. И мы сразу поняли это. И стали друзьями.

Глава 8. Приключения будущей рыбной лазаньи

Покинув борт и надев замшевые босоножки, я неуверенно покачнулась на каблуках. Организм вещал о подозрительной особенности причала двигаться в такт волнам. Диего окликнул меня, протягивая наш совместный улов.

– Бери, бери! Я себе наловлю, – заверил он, когда я попыталась благовоспитанно отказаться.

Его крупная рыбина аппетитно поблескивала чешуей в прозрачном пакете с небольшим количеством воды. Моя макрель в сравнении с ней могла приглядаться лишь голодному коту, если ее перед этим как следует разрекламировать.

– Увидимся! – разубылался Диего. – Не забудь, я должен тебе желание.

– Будь спокоен, не забуду! – насмешливо пообещала я и, приняв угощение, направилась вслед за немцами.

– Слишком жарко, – заметил Бен, нестройной походкой продвигаясь вперед.

Ханна поддерживала мужа под руку и несла корзинку.

– Ты много выпил. Вечером поедем на Playa America? Здесь недалеко прекрасный песчаный пляж протяженностью в несколько километров, – сказала она, поворачиваясь ко мне.

– Только не сегодня, – пыхтел Бен.

– Имей в виду, следующий автобус рано утром, – предупредила Ханна.

– Неважно. Можно машину взять.

– Ты не будешь пить?

– Вряд ли. – Бен утерся панамкой. – Пошли быстрей. Основательно припекает.

Мимо нас прошли трое темных худых мужчин в белых одеждах.

– Колоритные, – заметила Ханна, провожая их взглядом.

– Это баски, – сказал Бен.

– Вы с нами? – поинтересовалась Ханна.

– Пожалуй, задержусь, – улыбнулась я на прощанье. – Хорошего отдыха!

– Желаю Вам всего наилучшего! – сказала Ханна.

Бен молча помахал мне рукой. Жара окончательно утомила его.

Остановившись посреди причала, я оглянулась по сторонам. Внимание привлекла ветхая белая лодчонка с красной каймой и надписью по борту – 7-VI-5-282-00 ANTONITA.

Растрескавшаяся от непогоды и многократно перекрашенная, она кренилась на правый борт под грузом капроновых сетей. С крупными ячейками и ядовито-голубого цвета, сети лежали беспорядочно погруженным огромным ворохом. Рядом покачивался обросший водорослями ветхий буй.

Подошел кряжистый мужчина, сбросил в лодку еще сетей и обернулся ко мне.

– Чтобы увидеть самое интересное, нужно прийти сюда на исходе ночи, – сказал он, вытирая пот тыльной стороной ладони. Белки глаз блеснули на сильно загорелом лице.

– На исходе? – переспросила я.

– Выгрузка улова производится ближе к рассвету, а утром живая рыба и морепродукты появляются на рынке, в кафе и ресторанах, – пояснил он.

Пока я удивлялась неожиданной словоохотливости, он развернулся и ушел моряцкой походкой. Медленно продвигаясь вперед, я принялась курсировать среди рядов катеров, яхт, лодок и баркасов.

Лес белых мачт плавно волновался, под причалом хлюпал прибой, припекало. Разглядывая порт, я поняла, что, наряду с прогулками и туристической рыбалкой, здесь достаточно широко развит промысловый лов.

Полуостров с древним замком Fortalezade Monterreal теперь перекрывал мне вид на открытый океан. Высокий сосновый бор возвышался над каменными стенами и башенками, украшенными флагами. У стен крепости на светло-желтом песке пляжа играли дети, торчали редкие зонтики, отдыхающие собирались и постепенно возвращались в город.

Заметив такелажные работы на борту одного вместительного баркаса, окрашенного сверху в белый, а снизу в буро-вишневые цвета, я остановилась.

Команда загорелых мужчин в легких спецовках возилась с погрузкой небольших пластиковых ящиков. Двое парней драили палубу. Острый рыбный запах, от которого сводило скулы, доносился до меня с приличного расстояния.

– Что вы обычно ловите? – спросила я, когда они обратили на меня внимание.

Самый молодой из них поднял от работы голову.

– Морепродукты.

Остальные члены команды скалили зубы, напевно перебрасываясь фразами. По взглядам догадалась – обсуждают нашу с Диего добычу, и кокетливо спрятала рыбу за спину.

Я их не понимала. Общались они на галисийском – втором государственном языке Испании, исторически образованном из смеси народной латыни и португальского.

– А какие морепродукты? – не унималась я, решив поприставать с расспросами.

Парень спустил на веревке маленькое ведерце, зачерпнул воды и вылил на палубу. Брызги разлетелись в разные стороны.

– Устриц, бархатных крабов, персебес, из гребешков – zamburinas, volandeiras, – пояснил он, не отрываясь от натирания поверхности щеткой. Заметив что-то прилипшее, он поскоблил ногтем.

– А осьминогов?

– Редко.

– А рыбу?

– Когда мало собираем, добавляем рыбой.

– Такое бывает?

– Безусловно! Океан – не магазин, – усмехнулся парень, бросая на меня быстрый взгляд. – Сегодня, допустим, крабами все дно усеяно. А завтра – два с половиной бегают.

Я усмехнулась. Он разогнулся, приветливо посмотрел на меня, опять зачерпнул и вылил воду на палубу.

– Ну, тогда желаю вам «ни чешуи, ни хвоста!» – сказала я и развернулась, чтобы уйти.

– Зачем? – не понял парень.

– Это у нас такое пожелание удачи рыбакам, – оглянулась я.

– Хах! Большое спасибо! – улыбнулся парень и взмахнул щеткой. – Тебе тоже!

Приближалось время сиесты. Запахи водорослей и крики чаек носились над причалами. Рыбаки спешили закончить свою работу. Я задержалась, понаблюдала немного и пошла дальше.

«Надо перепробовать все!» – решила я, благо Байона славилась морской кухней.

Жара плавилась воздух. В небе над городом стояло бледное лилово-абрикосовое марево. Атлантика сонно плескалась между опор причалов.

Трое басков опять быстро прошли мимо, деловито горланя что-то на своем языке. Налетел ветерок, колыхнул по бедрам подолом короткого платья. Поток свежего воздуха разогнал палящий зной.

– Ммм! – от удовольствия я склонила голову набок. Умиротворенная улыбка заиграла на губах. Длинные светлые волосы волнами скользнули по бирюзовому шелку. Причал кончался, впереди ждала набережная.

Безмятежность ощущений прервалась внезапно. Я дернулась и остановилась в замешательстве. Каблук угодил в щель меж двух досок.

Первые попытки вырваться не увенчались успехом. Вздохнув, я положила пакет с рыбой и сняла босоножки. Опускаясь на колени, попыталась вытянуть каблук из щели. Деревянный капкан не хотел поддаться. Устав, я вздохнула и огляделась. На причале не было ни души. Склоняясь опять, я с удвоенной силой принялась бороться за свою обувь.

Однако безуспешные попытки не остались без внимания. Рядом плавно покачивалась большая прогулочная яхта. Оттуда, из тени роскошного навеса, наблюдали за мной двое местных богачей.

«Хрусь!» – каблук сломался.

Я завалилась на причал и задела локтем второй босоножек.

«Бульк!» – сказал он своему собрату, падая в воду.

Я разочарованно воскликнула и в сердцах запустила сломанный босоножек вдогонку утонувшему.

Раздался смех. Вскинув голову, я встретила насмешливый взгляд жгучего брюнета в прозрачной рубашке. В глаза бросились яркая модельная внешность и холерный вид. Навскидку можно дать лет двадцать семь, или больше.

Он сидел на палубе, вальяжно опираясь о подлокотник кресла. На низком стеклянном столике стояли несколько бутылок и два пузатых бокала. Второй, значительно старше, бородатый и полный, безучастно взирал на мою добычу.

– Смешная! – заметил брюнет. Он самодовольно рассматривал мои формы, смежив веки. – Она мне нравится.

Я отвернулась. Хм! Говорить обо мне в третьем лице в моем- то присутствии?!

Невозмутимо поднимаясь и не обращая никакого внимания на замечание, я не спеша расправила платье, откинула волосы и зашагала к выходу из порта.

– Рамон! – обратился брюнет к стоящему поодаль парню, указывая в мою сторону. – Приведи мне ее!

Тот понимающе посмотрел на хозяина и исчез. А я разочаровалась. Или обиделась...

«Ишь, размечтался!» – фыркнула я про себя и прибавила ходу, небрежно болтая пакетом.

Разгоряченные камни больно пекли босые ноги, но достоинство дороже, и я героически терпела.

«Еще чего?! Меня такими глупостями не смутишь!» – мысленно подбодрила я себя и остановилась у дороги на проспекте Брасиль. Переминаясь с ноги на ногу, поискала глазами такси. Рыбины плеснулись и затихли. Жара усиливалась.

Я подняла руку. Поток машин двигался мимо. В рассеянности оглянулась на порт. Вышеозначенный Рамон уже маячил за спиной.

– Хей! – крикнул он, махая мне руками.

Я отвернулась, продолжая голосовать.

Рамон подбежал. Сверкая черно-белой униформой стюарта и белизной маркетинговой улыбки, он расплылся в любезных комплиментах и возвестил о приглашении на яхту к двум очень значительным персонам, пожелавшим знакомства с очаровательной девушкой и ее интересным уловом.

«Ну, давай, уговори меня! Попробуй!» – с тайной насмешкой подумала я, щуря глаза и спокойно взирая на Рамона. Самоуверенность брюнета с яхты задела, обрекая парня на неудачу.

– Интересные! Сами поймали, наверное? Дайте посмотреть, – подбирался ко мне Рамон, разглядывая рыб.

«Какой коварный!» – нахмурилась я и убрала пакет подальше, опасаясь, что он выхватит и убежит с ним на яхту.

Рамон мило улыбнулся и ненадолго сложил руки за спиной, всем своим видом выражая невинность. Глядя на его желание угодить брюнету, хотелось острить, но становилось слишком жарко, хотелось покоя, и я предпочла более простой способ отфутболивания.

«Хех! Если быстро и по-испански – я отказываюсь понимать. Ленюсь! Да и вообще, удобно... По мне, так лучше медленно и по-английски», – решила я.

– Не понимаю! – ответила я, уворачиваясь от руки Рамона, галантно протянутой для препровождения меня перед страстные очи его повелителя.

– Мой господин отвезет Вас куда пожелаете! Прошу, примите приглашение, – настаивал Рамон, пытаясь зайти мне в тыл. – Невежливо отказывать! Здесь так не принято!

– Не понимаю! – повторила я, пытаясь отвязаться. – Дайте пройти!

Рамон с доброжелательной улыбкой удвоил натиск, загоразивая спиной дорогу и вынуждая меня отступить к причалам. Я отмахнулась от него пакетом.

На яхте с любопытством наблюдали за представлением. Брюнет вскочил с места и подошел к краю борта, заинтересованно следя за нами.

Отбежав в сторону, я снова пыталась поймать машину. Рамон отвернулся и взъерошил кучерявые волосы на затылке. Очевидно, он соображал, чем еще меня соблазнить. Просто перекинуть через плечо и унести не догадался.

Тут у обочины остановился мотоцикл. Байкер в черном повернул голову, осмотрел мою босоту и кивнул на место позади себя.

Я неуверенно взирала на него, не двигаясь с места. На зеркальном стекле шлема вместо его лица виделось мое отражение. Рамон повернулся и затараторил снова.

– Эй, ты, не видишь, мы разговариваем? – вызывающе махнул рукой он, обращаясь к байкеру, и оглянулся в сторону яхты. – Езжай, езжай давай своей дорогой!

Байкер даже не повернул головы на него.

– Это он – разговаривает, а я очень хочу уехать отсюда! – сказала я байкеру на испанском.

– Ага! Вы понимаете! – воскликнул Рамон. – Не стесняйтесь! Вам ничего не угрожает. Пойдемте со мной!

Я раздраженно посмотрела на Рамона. Бедняга не подозревал, насколько близок к избытию рыбой. Урок русской ненормативной лексики... Сейчас Рамон и его получит...

Что-то подсказало убираться отсюда быстрее. Поспешно вытащив ключи от своей гостиницы, я указала на брелок с адресом. Байкер прочитал и молча кивнул шлемом. Я взобралась к нему, обхватив левой рукой за талию. Зря я это сделала! Совсем пережарилась под испанским солнышком.

Байкер дал по газам как раз в тот момент, когда Рамон, размахивая руками, принялся за очередную свою тираду с явными нотками угрозы. От резкого набора скорости мне пришлось прижаться к байкеру, сосредоточив внимание на рыбе. Пакет едва не соскользнул с руки. Я не заметила, как напрягся мой возница.

Край платья без зазрения совести взлетел, обнажая бедра.

– Oh, belleza!¹

– Estarbueno!²

– Hola, sirena!³

– Estardemiedo!⁴ – кричали мне со всех сторон.

На проспекте комплименты тоже не стихали.

---

1 Ох, красotka!

2 Сексапильная!

3 Привет, русалка!

4 Очень привлекательная!

«Надо соблюдать приличия», – подумала я, закинув края платья под себя с одной стороны и прикрываясь рыбами с другой.

Байкер наклонился вперед и чуть повернул голову, вероятно, рассматривая меня в зеркало. Я покраснела, снова ухватилась за него и отвернулась, чувствуя себя, как здесь выражаются, между шпагой и стеной.

В результате недолгой, но захватывающей поездки я очутилась на травяной лужайке подле калитки, с облегчением узнавая домик донны Лусии.

– Грациас! – пролепетала я.

Байкер сразу же развернулся и уехал без единого слова. Провожая его взглядом, я испытала неловкость за свою скупую благодарность.

Донна Лусия отдыхала, когда я предстала перед ней со своим рыбным пакетом, извиняясь за беспокойство и прося принять подношение. Сонно моргая, она придерживала на груди тонкую накидку.

– Что это? – спросила она.

– Свежий улов, – похвасталась я, немного встряхивая пакет. Рыбы плеснулись в подтверждение сказанного. – Это для Вас.

– Ой, спасибо! Но зачем? Не нужно беспокоиться, – она удивленно посмотрела на меня, пытаясь отказаться.

– Рыбка недавно в океане плавала. Берите! – я улыбалась, поджимая пальцы ног на прохладных каменных плитках пола. – Вот эту поймала сама. Правда, огромная? – засмеялась я. – А эту – Диего, парень из того дома.

Указывая на рыб, пришлось кратко рассказать историю нашей с Диего рыбалки. Упоминание о соседе озарило морщинистое лицо донны Лусии тихим светом. Она согласилась взять рыбу. Я облегченно вздохнула.

С чувством выполненного долга я ушла к себе, в надежде на душ, уничтожение всех съестных припасов и постельный покой. Наступала моя первая сиеста.

Вечером донна Лусия позвала к себе. Мы уселись за красиво накрытым столом. Рыбная лазанья со шпинатом и креветками дымилась на большом блюде. Мне сразу перепал огромный кусок.

«Лазанья с рыбой – кто это выдумал?» – недоверчиво подумала я, подсаживаясь ближе и разглядывая начинку.

– Мне в радость готовить рыбу, – улынулась донна Лусия. – Хотя я всегда предпочитала форель. Одно время ездила с мужем на рыбалку. В горы, на речку.

Я сглотнула слюну и отважно приступила к дегустации.

– На что ловили? – спросила я, изучая блюдо. Разделенные тонкими отварными листами теста, слои прожаренного рыбного филе и креветок были перемешаны с луком-пореем, тушеным в сливках, бланшированными мелкими кусочками томатов и нарезанной зеленью шпината.

– На удочку, – ответила она, опуская второй кусок лазаньи на свою тарелку.

– Я про наживку. Какую наживку использовали? – поправилась я, приятно удивляясь новым ощущениям. Напрасно сомневалась в лазанье. Сочная, доведенная до готовности в духовке, она источала приятный аромат и оказалась изумительной на вкус. Сверху красовалась подпеченная корочка из расплавленного сыра.

– На муху. Червя. Хочешь вина? – донна Лусия надела очки и взяла в руки бутылку, читая надпись на этикетке.

– Благодарю, не пью спиртного.

– Напрасно. В разумных пределах вино полезно. Сейчас заварю чай, – она поставила бутылку на место и встала. – Твой шоколад просто чудесный! Я уже пытаюсь растянуть его на дольше, по вечерам буду кушать небольшими порциями с белым чаем.

– Понравился, значит? – обрадовалась я. – Мой любимый!

– Как тебе показался Диего? – спросила донна Лусия, не оборачиваясь от плиты.

– Мы прекрасно провели время. Думаю, непременно порыбачим с ним еще, – отозвалась я, увлеченно разрезая запекшийся сыр.

– Он совсем один, – с затаенной тревогой обронила донна Лусия, водружая на стол прозрачный чайник. Свернутые чайные листья медленно кружили и разворачивались в кипятке. Я подняла на нее глаза. Смущаясь моего понимающего взгляда, она повертела бутылку с вином, будто выдавала свою личную тайну, о которой сообщать неуместно и стыдно. – Несколько лет уже...

Я удивилась и ненадолго задумалась, но развивать тему не стала.

– С ним весело, – заметила я, проглотив последний кусочек и откидываясь на спинку стула. – Ох, божественно!

Донна Лусия довольно улыбнулась. Я прикрыла глаза, вздохнула и тихонько рассмеялась, ведь кроме специй эта лазанья была сдобрена еще и приключениями.

Глава 9. Об особенностях одиноких прогулок

От полноты новых ощущений и нескольких часов дневного отдыха спать вообще не хотелось. После посещения ближайшей кофейни, с молочным вкусом сладкого рафа на губах и двумя персиками в оттопыренных карманах, я бродила по вечерним улочкам, незаметно превращающимся в ночные.

Шифера, пластика, силикатной и бетонной кирпичной кладки и залитой асфальтом земли здесь не было в помине. Темно-красные, оранжевые, пятнисто-серые черепичные крыши, каменные дома, расположенные на разных уровнях, извилистые улочки, потрясающая чистота и отсутствие рекламного хлама приятно провожали все дальше.

Все дома, заборы, лестницы, ступени, тротуарчики и большинство дорог были выложены из натурального камня – от глубокого серого с пятнами времени до грязно-белесого и розоватого ракушечного оттенка.

Малые часовенки с колоколами и лепными арками входа, медные, бронзовые и каменные таблички на строениях, барельефы, узорчатые балконы, колоннады, оштукатуренные фасады жилых домов – все хранило дух прошлых эпох.

Ценнее всего оказалась сама атмосфера провинциального курорта «для своих». Местное население немногим превышало двенадцать тысяч человек. Отдыхающих пока много я не заметила.

Отдыхать сюда приезжали в основном из других районов страны, а также из соседней Португалии. Бесконечных верениц круизных автобусов и толп туристов со всего мира здесь не наблюдалось. Им отданы Мадрид, Барселона и большинство городов на побережье Средиземного моря на другом конце королевства.

Непривычный для слуха мягкий говор, отсутствие суеты и безмятежность лиц располагали к непринужденному времяпрепровождению. Почти деревенская простота и спокойствие жили на краю величественной Атлантики.

Лучи закатного солнца обнимали оранжевой теплотой небольшую площадь. Стая голубей слетелась к центру. Птицы деловито расхаживали в поисках съестного. Кто-то бросил хлебный мякиш, и маленькие сизые головки замелькали, подбирая крошки.

Сбоку, между стеной средневековой часовни и небольшой смотровой площадкой с видом на океан, стояла деревянная конструкция на колесиках, напоминающая лотки разносчиков сладостей из прошлого.

– Мое почтение! – поклонился мне из-за лотка старичок с огромными оттопыренными бакенбардами. Снежно-белые, они растягивались в разные стороны от хитрого треугольного лица подобно кедровым кронам высоко в горах.

Я хихикнула, отвечая на приветствие, и подошла ближе.

– Ой! Что тут у Вас? – спросила я, заинтересованно рассматривая всякие штуковины.

– Случайности всякие, – заманчиво подмигнул старичок, оправляя легкое пальто из полувекового коричневого драпа, полинялого и выгоревшего на плечах и воротнике. Тридцатиградусная жара нисколько не мешала ему застегнуть все до одной большие глянцевые пуговицы.

Я удивленно рассматривала вещицы. С первого взгляда это могло показаться хламом. Отполированные водой причудливо загнутые корни деревьев, шершавые разноцветные стекляшки, почерневшие крохотные шкатулочки с жемчужинами внутри, осколки древней мозаики, ржавые ключи и старые монетки, камни с дырочками – «куриный бог», причудливые редкие ракушки и другие береговые находки лежали на тонкой полотняной тряпочке.

Старичок гордо взирал на меня, ловя мечтательную искорку беззаботного детства в уголке моей улыбки.

«Всякая всячина. Наверное, скопилась за долгие годы?» – подумала я, осматривая еще пару лотков, расположенных ниже, под первым.

– Э! Нет!.. – остановил меня старичок.

Я отдернула руку от горлышка маленькой закупоренной бутылки со сморщенным рыжим пергаментом внутри.

– Тебе то ни к чему! – пояснил он строгим тоном, не переставая загадочно улыбаться.

– Нет, нет! – запротестовала я. Смотря на запретную бутылочку, хотелось во что бы то ни стало получить ее. – Очень даже нужно!

Старичок недоверчиво наклонил голову, проверяя резонность моего заявления.

– И, похоже, совсем необходимо! – сводя брови на переносице, по-детски упрямо воскликнула я.

– Говорю тебе – нет! – старичок разозлился, яростно громыхая жестяными банками, в которых хранил свои драгоценности.

Я обиженно надула губы, неловко отошла в сторону, обернулась. Старичок смягчился и поманил меня иссохшим пальцем. Я в два счета подскочила к деревянному лотку.

– Хочется знать, что на той записке внутри? – спросил он.

Я быстро закивала, предвкушая приключение, необычный секрет, тайну, какое угодно волшебство. Хотелось ведь!

– Там условие! – жестко произнес он, и лицо странным образом стало похожим на застывший деревянный корень из его коллекции. – Прочтешь – обратно пути не будет! Непременно нужно исполнить условие, даже если придется пожертвовать самым дорогим желанием в жизни!

Я озадаченно выслушала его.

– Ради чего?

– Подумай, – предложил он, гипнотизируя меня.

– Откуда мне знать, – возмутилась я. – Вас, колдунов, разве поймешь, – пошутила я и осеклась.

Старичок повернулся вполоборота, не отводя взгляда черных маленьких глаз. Стало жутковато. Он сухо рассмеялся. С похожим звуком ломаются деревья в лесу во время урагана.

– А Бог его знает... И-и-и... Что, испугалась? – хитро прищурился старичок и спрятал в карман мою бутылочку.

– Да так... – неопределенно отозвалась я. «Самое главное свое желание. Хм! От чего невозможно отказаться? Наверное, от счастья», – мелькнуло само собой.

Он поймал мысль, быстро прочитал и отпустил.

– Все! – торжественно резюмировал старичок, разворачиваясь ко мне, принимая добродушный вид и взирая светлыми голубыми глазами. – Свершилось! Ступай. Ты уже знаешь, чего боишься.

Я почесала затылок, раскрыла рот, но не нашлась что ответить, закрыла, удивленно подняла брови. Последний луч заката растворился в небе. Океандохнул влагой. Волшебство растаяло.

Старичку надоело разглядывать меня, он склонился над своим товаром, открыл одну из банок и принялся наполнять ее.

– Это не поможет, – сказал он, не отрываясь от занятия.

– Что? – откликнулась я, наблюдая, как ловко он собирает монетки.

– Сомнение.

«Как теперь?» – подумала я.

– Жить, – ответил он вслух.

В совершенном замешательстве немного постояв перед старым лотком, я развернулась и тихонечко пересекла площадь. Испанская мелодия перебросила невидимый полог между мной

и торговцем случайностями, укрыв его далеко позади. Несколько раз порывалась оглянуться, но понимала – нельзя.

Невыразимое спокойствие опустилось на сердце. Я медленно шла вперед, ни о чем не задумываясь.

«Хорошо, что приехала именно сюда, – подумала я, ловя редкое ощущение совершенной душевной гармонии. – Правильно».

Саксофон и кастаньеты, ласкающие слух, давно затихли в отсветах тающего заката. Стены становились темнее, проходы уже. Неожиданно для себя забрела в один из бедных кварталов, остановилась и задумалась. Куда теперь?

Выстиранная одежда и постельное белье свисали с веревок пестрыми парусами несбыточных надежд, уснувшими в вечном штиле. Запах жареной рыбы, легкая перебранка и мигающий свет телевизоров из окон наполняли пространство.

Через открытую дверь маленькой таверны были видны усилия здорового португальца. Он гремел горой круглых тарелок. Выпуская на губку неприлично большое количество моющего средства, португалец неистово натирал белый глянец. Пыхтя деревянной трубкой, он окутывал себя сизым туманом.

Вспомнилось старое противостояние жителей Вилларибо и Виллабаджо. Эдакий «баян» десятилетия. Я негромко усмехнулась и тут же вздрогнула.

Неплотная длинная тень пронеслась мимо, слегка касаясь лица невесомой легкостью крыльев ночного мотылька. Машинально повернув вслед голову, я решила, что мне примерещилось.

В конце переулка у размалеванной стены показались трое. Если точнее, просто вывалились из-за угла. Они дрались. Я подкралась поближе. Косой луч света из окон второго этажа падал на их лица.

Двое избивали третьего. Один из них – худой курчавый мужчина с горбатым носом, редкими усиками, рябой кожей и выражением лица хищной птицы бил, вернее, добывал, другого. Его сообщник – более низкий и плотный, в джинсах и толстовке, помогал. Он был развернут ко мне спиной.

Резкие частые удары сыпались без остановки. Пропустив несколько ударов в живот и солнечное сплетение, с виду похожий на бездомного бродягу, мужчина уже не мог ответить.

Глухой стук кулаков о тело заставлял меня вздрагивать, морщиться и сжимать свои воробьиные кулачки. Жажда накостылять курчавому и его подельнику проснулась в моем тщедушном теле.

Закрыв глаза, бродяга медленно сползал по стене. Высокий и неуклюже могучий, в мятой темной рубахе и с давно не мытыми длинными прядями волос, похоже, он собирался сыграть в ящик. Мне так показалось.

Удовлетворенно смотря на упавшего, первый пнул его для верности ногой. Его подельник присел и быстро обшарил карманы. Вытянув бумажник, он воровато огляделся.

Я взирала на действие из-за редкой листвы лимонного дерева. Удивительная традиция местных жителей – расставлять по улицам растения в больших горшках – как нельзя кстати спасла меня от обнаружения.

Широко шагая, грабители скрылись за углом. Я качнулась и несмело направилась вперед, к лежащему у стены. Подойдя ближе, я опустилась перед ним на корточки, стараясь оценить ситуацию.

Он прерывисто дышал. Разбитый нос и рассеченная губа кровоточили. С виду бродяга. Но разительно не похож на наших бомжей.

Я закричала, призывая на помощь. Бродяга застонал, пытаясь встать. Скользя вниз по стене на каменный тротуар, он прижимал руки к животу. Люди высовывались из окон по пояс.

На мои призывы примчалось несколько подростков, старик и двое мужчин. Они постояли, не подходя близко, посоветовались и, к моему ужасу... разошлись.

Бродяга потерял сознание. Я была готова разрыдаться. И неизвестно, от чего больше – от досады на равнодушные окружающих или от страха за жизнь избитого незнакомца.

Мимо прошел грузный бородач.

– Помогите, пожалуйста! Por favor! Hospital! – взмолилась я, призывая отвезти несчастного в больницу.

Он остановился, не выказывая особой заинтересованности и не приближаясь. Сверкнув толстыми линзами очков, бородач цокнул языком и сделал отрицательный жест.

– En el hospital no llevar!⁵

– Тогда ко мне! Ко мне! – попросила я, обеими руками стуча по своим ключицам, будто он не понимал. Потом догадалась воспользоваться испробованным методом, быстро вытащив ключи с адресом и десять евро.

Бородач вышел на свет, посмотрел на купюру, поднес брелок к носу, прочитал и вернул обратно, оставив деньги себе, а потом взвалил на одно плечо избитого бродягу и неторопливо пошел по улице. Я смиренно шла рядом.

На подходе к перекрестку заметила темную легковую машину. Она стояла прямо посредине, и двое, может быть, тех, кто избивал бродягу, сидели внутри. Посмотрев в нашу сторону, они отвернулись. Машина резко тронулась с места и исчезла.

В час, когда грязный окровавленный мужчина появился в доме донны Лусии, на ее лице застыла маска ужаса. Опасаясь протестов хозяйки, я бросилась спешно и сбивчиво на трех языках молить о благосклонности.

Она оторвала испуганный взгляд от бродяги и посмотрела на меня. Вероятно, мой вид являл более чем странное зрелище. Сильно озадаченная, я была готова подкупать и настаивать.

Остановившись на полпути, я подошла к ней. Это все-таки был ее дом. Плечи мои беспомощно опустились. Шмыгнув носом, я полезла за деньгами.

Донна Лусия не взяла их. Покачав головой, она посторонилась и отвернулась. Я махнула бородачу следовать за мной, и бродягу понесли в апартаменты.

Ему сильно досталось. Нос разбит, но не сломан... рассечена губа... под глазом растекался синяк. ссадины на лбу и скуле. Мышцы шеи напряжены. Пульс менялся, перескакивая с быстрого на замедленный.

Забираясь на кровать, я уселась возле него. Отводя прилипшие пряди волос и смачивая в воде ватные диски, я стирала кровь и думала над тем, как лучше обработать ранения.

Когда кровь и грязь отмылись с лица бродяги, я обнаружила в своей постели молодого привлекательного испанца лет тридцати.

О, Боже! Зачем ты наделил меня воображением?!

Я с любопытством разглядывала его.

Простая, заношенная, но не сильно загрязненная одежда, чистые ногти и отсутствие специфического запаха медленно развеивали легенду о бездомности.

Скуластое лицо с пухлыми губами поросло двухнедельной черной щетиной. Широкие черные брови слегка нависали над глазами. Длиной по лопатки, пряди волос светло-медового цвета, но темные у корней, разметались по подушке. Смуглая чистая кожа на лице и шее. Я расстегнула рубашку. Дальше рельефные мышцы груди, поросшие завитками...

Я сидела на краю постели и просто восхищалась красотой сильного тела.

«Если все бродяги здесь такие, то, пожалуй, я пойду бродяжничать сама!» – увлеченно посмеивалась я сама над собой.

---

⁵ В больницу не повезу!

Он слабо шевельнул кистью и неожиданно пришел в себя. Я сильно смутилась, встретив тревожно-недоверчивый, а затем восхищенный взгляд.

Он поморгал, удивляясь моему присутствию, и теперь неотрывно смотрел на меня, сверкая влажными, черными как спелые маслины зрачками. Мне даже показалось, что он узнал меня. Так осмысленно бродяга взирал с подушки.

Я глупо улыбнулась в ответ. Опуская ресницы, поправила волосы и сообразила, что краснею.

– Как Вы себя чувствуете? Что-нибудь нужно? Как Вам помочь? Кто Вы? Могу я отвезти Вас домой? – все эти вопросы я задавала сначала на русском, после, когда спохватилась, на путаном испанском.

Безуспешно пыталась я выяснить у бродяги хоть что-либо.

Он мычал и с трудом жестикулировал руками. Потом закашлялся. Я отчаялась понять его. Он устал пытаться отвечать. Сделал неудачное усилие встать, сдержал стон и обмяк.

В дверь деликатно постучали. Вошла хозяйка гостиницы, неся поднос с чаем, маленькими забавными пузырьками из разноцветного стекла, бинтами и баночками. Она медленно приблизилась к кровати, недоверчиво осмотрела его и повернулась ко мне.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь? – неуверенно произнесла донна Лусия. Выглядела она слабой и напуганной.

Откуда мне было знать? Я пожала плечами и опять склонилась над неразговорчивым незнакомцем.

Он прикоснулся к голове. Я осторожно дотронулась до волос, слегка поворачивая его голову, осмотрела на предмет ранений. Слева выше виска кожа была рассечена. Кровь запеклась на вздувшейся гематоме.

– Возможно, у него сотрясение, – заметила донна Лусия, устанавливая поднос на тумбочку и подходя ближе.

– Если сотрясение, Вам нельзя сейчас двигаться, – обратилась я к бродяге. – При сотрясении соблюдают покой и неподвижность.

Он слегка удивился.

«Хех! – подумала я про себя. – Прямо вылитый доктор Пилюлькин! Как он говорил? Постельный режим, йод и касторка, вроде бы».

– Позвольте мне посмотреть, – я мягко отвела его руку от раны. Он пару раз попытался потрогать голову, морщился и поводил головой в разные стороны.

– Сейчас! – сказала я ему, вскакивая, наливая в стакан воды и доставая таблетки. – Это обезболивающее. Выпейте, прошу Вас!

– Ммм... – поморщился он от боли, хотя и показывал, что не хочет.

– Ну, пожалуйста! – просунув руку под подушку, приподнимая его чуть выше, я заглянула ему в глаза. – Если сильно болит, лучше выпить.

Он взглянул на меня и подчинился.

– Кто это? Вы знакомы? – спрашивала донна Лусия, пока бродяга с трудом глотал воду.

– Я не знаю, кто он, – тихо отозвалась я, опуская его обратно на кровать. Он побледнел и закрыл глаза.

– Ты хочешь сказать, что не задумываясь приволокла незнакомому мужчине к себе?! – она бросила на меня недоверчивый взгляд, пытаясь определить границы моего благоразумия.

– Да, – ответила я.

Донна Лусия посмотрела на меня так, будто я тоже нуждалась в помощи, но иного рода. Поразмыслив, она обошла кровать, приглядываясь к бродяге. Он лежал спокойно. Боль и слабость отражались на лице.

– Что вообще произошло?

– Его сильно избили на улице. Двое. А потом ограбили, взяли бумажник.

– Прямо на улице? – переспросила донна Лусия. В уголках ее глаз собрались морщинки. – И где это произошло?

– Точно не скажу. Я гуляла и незаметно забрела куда-то на окраину.

– Santa Maria! Никогда больше не ходи по ночам одна! – наставительно выговаривала мне донна Лусия. – А вдруг напали бы на тебя?!

– Хорошо, хорошо, – рассеянно согласилась я. Не верилось в наличие бурной криминальной деятельности в провинциальном городке, и дельные замечания я предпочла пропустить мимо ушей.

– Я не шучу! Девушкам нельзя ходить по ночам без сопровождения, – назидательно заметила донна Лусия. – Тем более в незнакомом городе.

Я коварно улыбнулась. Ее ожидало жестокое разочарование. Именно это я и собиралась сделать в ближайшее время. Очень хотелось побродить по ночному побережью.

– Байона немного старомодна и спокойна, но, глядя на тебя... – тут она сделала выразительный жест рукой в сторону моего короткого наряда, – неприятностей легко нажить.

– А что со мной не так? – удивилась я, бегло осматривая себя. – Паранджи не хватает?

«Ума тебе не хватает», – хотела, видимо, сказать донна Лусия, но смолчала.

– За себя не боюсь. А вот за него испугалась. Стало страшно, что он там и умрет. Никто не захотел отвезти его в больницу или хотя бы вызвать помощь. Почему? – потрогав лоб и убеждаясь в нормальной температуре, я повернулась к хозяйке. – Пришлось упрашивать первого встречного доставить его сюда. Спасибо, согласился!

– И что ты теперь намерена делать?

Я пожала плечами.

– Оказать посильную помощь. А утром видно будет.

– Вы можете сказать, как Вы себя чувствуете? Что беспокоит? – участливо спросила я бродягу, когда тот снова открыл глаза.

– У-у! – отозвался он, отказываясь говорить по непонятным причинам.

– Долго он находился без сознания?

– Достаточно долго.

– Нужно проверить, может, у него переломы, – кивнула донна Лусия, открывая свои пузырьки и распечатывая бинты.

– Мне? – с испугом спросила я.

– Спасла, вот ухаживай теперь! – улыбнулась донна Лусия.

Я ступешевалась.

– Вы... не возражаете? – робко поинтересовалась я у бродяги.

Он не ответил, наверное, не возражал.

Закусив губу, я смутилась. Как его осматривать? Пошире распахнула рубашку. Колотерезанных ран не было. Кровоизлияний под кожу не наблюдалось. А били его сильно. Несколько ссадин, большой кровоподтек на плече. Я ощупала ключицу. Цела. Взгляд перешел на ребра.

– Дышать не больно? – спросила я, несмело прикасаясь к ребрам.

Он опять стал кашлять, но жестом показал, что не больно. Моя рука скользнула в зону подреберья. Кожа была горячей. Я ощутила спазм. Бродяга поморщился. Понятно – били по печени.

– Простите! – отняла я руки.

Он слегка согнулся от боли. Пришлось ощупать руки и ноги на предмет переломов.

– Если бы Вы могли рассказать мне о симптомах, было бы проще, – заметила я. Мне хотелось оправдаться за свои, может быть, слегка наглые и неуместные прикосновения к телу абсолютно незнакомого человека.

Он как-то странно посмотрел на меня в ответ. У меня мороз по коже пробежал.

– Вроде, здесь все в порядке, – констатировала я. – Пошевелить можете? Резкой боли при движении нет?

Он продемонстрировал. И опять попытался встать.

– Не нужно! Лежите! – остановила его донна Лусия, открывая перекись водорода. – Сейчас мы обработаем Ваши раны, – она обернулась ко мне. – Ранения неглубокие, зашивать не потребуется. Судя по всему, крови он потерял немного, можешь успокоиться, твой незнакомец не умрет, это не опасно. Да что с тобой?

Я нервно сглотнула, чувствуя, как меня саму начинает слегка мутить. Предстоящая обработка ран наравне с запахом некоторых лекарственных средств вызвала панику.

– Ты что, боишься? – удивилась донна Лусия, прочитав незатейливое выражение страха и растерянности на моем лице.

– Угу! – я закивала с жалобным видом. – Наверное, я не смогу.

Краем зрения я заметила, что бродяга сверкнул глазами и слабо улыбнулся.

– Сможешь, если захочешь, – безжалостно изрекла донна Лусия.

Судорожно вздохнув, я мысленно взывала к своей силе воли. Она пряталась где-то в пятках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.